

От весны до весны

Стихи

Аист

Головой воды касаясь,
По болоту ходит аист,
Ищет свой обед:
Квакнет
или нет?

Барбос

Есть у Бори умный пёс,
И зовут его Барбос.
У крылечка он лежит,
Борин дом сторожит.

То сидит, хвостом виляет,
То рыча подпрыгнет вдруг.
На меня Барбос не лает:
Я, ребята, Борин друг.

Берёзка

Растёт берёзка белая
В саду моём давно.
Что дома я ни делаю,
Она глядит в окно.

Холодный дождь
набросится,
Шумит она сильней
И в дом ко мне
не просится:
Не страшен ливень ей.

Не сломит буря шалая,
И не засыплет снег.
Она рассветы алые
Встречает раньше всех.

Бобры

Мы спускаемся с горы,

К речке мы идём.
Там работают бобры,
Строят новый дом.

Я хотел бобрам помочь,
Но они сказали: «Прочь!»
И ещё сказали мне:
«Сами справимся вполне!»

Бычок

Назвали зря его Дружок,
Опасно с ним играть:
Его пустили на лужок,
А он давай бодаться.

Гонял он кур,
Гонял ребят,
Бил головою всех подряд.
Теперь унялся и молчок:
Стоит на привязи бычок.

Воробей

Воробей молодой
Весело резвился.
Вдруг в бочку с водой
С дерева свалился.

За бедой беда другая:
Кто же выручит, друзья?
Кошка дымчатая, злая -
Цап! - схватила воробья.

Ходит Мурка не дыша:
Эх, добыча хороша!

«Уважаемая кошка! _
Воробей заговорил. -
Дай обсохну я немножко,
Чтоб потом... вкуснее был».

Кошка думала немного:
«Так и быть, лети, сушись!»
Воробей вспорхнул и строго
На неё прикрикнул:
«Брысь!»

Так ни с чем она осталась,
Улетучилась еда.

В бочке шумно рассмеялась
Молчаливая вода.

Грибы

Трава, умытая дождём,
Блестит и ниже клонится.
А мы грибы искать идём,
Они от нас хоронятся.

Шумят берёзы и дубы,
Цветами пахнет сладко.
Молчат грибы,
Весь день грибы
Играют с нами в прятки.

В саду

А мы с дедушкой вдвоём
В шалаше теперь живём:
Караулим сад колхозный,
Раньше солнышка встаём.

Вместе ходим вечерами
И осматриваем сад:
Звёзды в сумерках над нами
Как антоновки, висят.

Ветер

Дед Мороз рисует ёлки
Белой кистью на стекле.
Ветер лютый,
Ветер колкий
Разгулялся по земле.

Бьёт снежками он в ворота,
Жучку гонит в конуру.
Он в трубу орёт мне что-то,
Ничего не разберу.

То ль зовёт меня кататься,
То ли хочет в дом забраться
И на тёплую печь
Рядом с дедушкой прилечь.

Галка

Галка сильно заболела
И, забыв свою семью,
Через форточку влетела
Прямо в комнату мою.

Стало очень галку жалко,
Накормил я булкой галку,
Уложил её в кровать
И оставил ночевать.

А потом её лечил,
Разговаривать учил.
И теперь она чуть свет
Мне кричит:
«Привет!
Привет!»

Гора

Как у нашего двора
За ночь выросла гора.
И на лыжах — эх!
И на санках — ух!
Разгоняются ребята
И несутся
Во весь дух.

А стемнеет -
Сразу тихо
Станет около двора.
Как огромная слониха,
Спит,
Умаялась гора.

Дорога

Выше крыши,
Выше стога,
Как заря, светла
Журавлиная дорога
В небе пролегла.

Журавли за морем были
В жаркой стороне,
А в дорогу не забыли
В край родной,
Ко мне.

Дуб

Среди поля дуб
Закутался в тулуп,
Забрёл в густую рожь,
На дедушку похож.

С утра и до заката,
Не знаю почему,
Колосья,
Как ребята,
Все тянутся к нему.

Жаворонок

Целый день над головой -
Колокольчик полевой.
Тесен луг ему и лес,
Знай, звенит среди небес.

Вьётся крохотный комочек,
Не боится ничего.
В каждом пёрышке звоночек
Так и бьётся у него.

Жду весну

И лодка больше не плывёт,
И не кричат лягушки.
Такой на речке толстый лёд
Что не пробьёшь из пушки.

Ушли все рыбки в глубину
И там в потёмках маются.
Я жду весну.
Я жду весну:
Весной лёд сам сломается.

Жук

Коробок в моей руке,
Жук усатый в коробке.
Жук жужжит, щекочется:
Жить на воле хочется.

Ничего, что он сердит:
Пусть в потёмках посидит.
Вот как выйду на лужок -
И открою коробок.

Зяблики

Шумит боярышник, но зяблики
На землю с веток не слетят:
Они в гнезде, как на кораблике,
В каюте крохотной сидят.

Дрожит листва,
Гнездо качается -
Они плывут себе вперёд,
Туда, где синий май кончается
И лето красное цветёт.

Искорки

Разгорелся наш костёр,
Так и пышет пламя.
Дым до неба
Он простёр,
Сделал облаками.

Тишина среди ребят:
Не шумят,
Не ссорятся.
В небо искорки летят,
Звёздами становятся.

Карандаши

Опять сегодня Боря
С карандашами в ссоре,
Забросил и тетрадь:

«Не буду рисовать!»

Ни леса и ни моря
Не нарисует Боря.
Остались корабли
У Бори на мели.

Скучают где-то птицы.
Белы, как мел, страницы.
Карандаши сидят, грустят
В коробке, как в темнице.

Качели

Мы проснулись на заре,
Встали и запели:
Во дворе,
Во дворе
Выросли качели!

Мы садимся — наш полёт
Долго не кончается:
Дом плывёт,
Сад плывёт,
Вся земля качается.

Ковёр

Вот вынесли во двор
Большой цветной ковёр:
И чистят, и трясут,
И даже палкой бьют.

«Зачем? - кричу я тёте. -
Зачем ковёр-то бьёте?»
А тётя говорит:
«Он пылью был набит.

Он станет, как картинка,
Когда его побьём.
Уж ни одна пылинка
Не заночует в нём».

Колокольчик

На лугу под развесистым вязом,
На закате погожего дня
Колокольчик стоит синеглазый,
Колокольчик глядит на меня.

Я его не срываю, жалею:
Пусть растёт,
Пусть глядит веселей,
Где расцвёл он,
Там небо синее,
Там румяные зори теплей.

Косари

Косари идут с покоса,
На плечах
Сверкают косы.
Говорят, войдя в село:
«Луг остригли наголо!»

Мы навстречу выбегаем
Стайкой загорелую
И в подарок получаем
Землянику спелую.

Кочаны

В огороде кочаны
Вот такой величины
Наливаются.
Дед мороз надел тулуп,
К кочанам ступ-хруп
Подбирается.

Заморозить их хотел,
Весь от злости побелел,
Ничего не вышло.
Кочаны в ночи лежат
Вроде белых медвежат
И рычат чуть слышно.

Крапива

В канаве крапива,

В канаве крапива
Стоит одинока,
Стоит молчалива.

Она лишь кусаться
Да злиться умеет.
Легко догадаться -
Друзей не имеет.

Красавка

Вон идёт моя Красавка!
Я навстречу ей бегу.
Для неё густая травка
Зеленеет на лугу.

Я кормлю её травкою,
Я зову её в избу -
Молча крутит головою
С белым пятнышком на лбу.

Ничему она не рада,
На меня глядит с тоской.
«М-мне, - мычит, - в избу не надо.
Мама в стаде за рекой».

Крокодил

Приснился Коле крокодил,
Спросил он грозно Колю:
«Не ты ль недавно получил
Две двойки сразу в школе?»

Ножом не ты ли вырезал
За партою узоры?
Не ты ль к калитке привязал
Котёнка,
Как Трезора?

Вот я возьму тебя и съем
За такие штуки!»
Был с перепугу Коля нем,
Дрожали ноги-руки.

А встал — учить уроки стал,
Совсем переменялся:
Пошёл — котёнка отвязал,
За парту извинился.

Ребятам больше не грубил
И лучше стал учиться.
Мы ждём:
Когда же крокодил
И Славику приснится?

Листья

Над рощей облако плывёт,
Цветёт в лучах рассвета.
И листья просятся в полёт,
Да не пускает лето.

Лопух

Рос лопух,
Большущий вышел,
Мне по пояс достаёт.
Под его широкой крышей
Вечно кто-нибудь живёт.

То мяукают котята,
То щебечет воробей,
То хоронятся цыплята
Вместе с мамою своей.

Ни жара их не пугает,
Ни сердитый в небе гром.
А по крыше жук шагает,
Стережёт зелёный дом.

Море

Саша в таз воды налил,
Саша воду посолил
И кораблик свой бумажный
Тут же в плаванье пустил.

Другу крикнул: «Боря!
А в тазу-то море.

Берега зелёные,
А вода солёная.
Хорошо б сюда кита -
Вот была бы красота!»

На лугу

На лугу дотемна
Между нами шла война.
Всё и вспомнить не могу,
Что творилось на лугу.

И в окопе мы лежали,
И в атаку мы бежали,
Мы бежали со всех ног:
Штурмовали
Сена стог.

Там был ранен я немножко,
А Серёжка был убит:
Поднимать пошли Серёжку,
А под ним трава храпит.

Наташа

Издалёка девочка
Приехала к нам жить.
Не умеет девочка
По-русски говорить.

Зовём её Наташею.
С собою в лес берём
И говорить по-нашему
Учим всем двором.

Озеро

Весна всё разморозила,
Колышется вода.
Заря глядит на озеро,
Светла и молода.

У чаек — праздник на волне:
Плывут,

плывут,
качаются...
И звёзды с рыбками на дне
По вечерам встречаются.

Парашют

Парашют с высокой вышки
Приземляется-плывёт.
А внизу ревёт мальчишка:
Прыгнуть
Папа не даёт.
Папа смотрит на мальчишку:
«Ты не прыгнешь — упадёшь
И набьёшь такую шишку,
Что домой не донесёшь».
«Донесу!» - малыш ревёт
И глядит на небосвод.
Парашют с высокой вышки
Белой чайкой
Вниз плывёт.

Паровоз

Купили Пете паровоз,
Большой, красивый очень.
Но задирает Петя нос,
Дружить ни с кем не хочет.

Смотреть машину не даёт,
Кричит: «Не тронь руками!»
Чуть что — и плачет, и ревёт,
И жалуется маме.

Друзьями он не дорожит,
Их и не видно рядом.
И паровоз в углу лежит,
Ржавея от досады.

По ягоды

Мы с Тоней по лесу идём,
По травам и цветам.
Мы, если ягоды найдём,
Поделим пополам.

В лесу и сыро, и темно,
А нам не страшно всё равно.

Шепчу я смело: «Ты не трусь.
Я даже волка не боюсь».

Под рябиной

Летит и летит паутина,
прохладные дни настают.
Дрозды обирают рябину,
Тяжёлые кисти трясут.

По небом высоким и ясным
В саду я подолгу стою:
Осыпала дождиком красным
Рябина тропинку мою.

Подснежник

Прилетели в сад сороки,
Снег ручьями зажурчал,
Встал подснежник на припёке,
Головою покачал.

Призадумался немножко
На высоком бережку
И в зелёные ладошки
Взял по белому снежку.

«Что случилось? - грач гадает. -
Лёд уходит по реке,
А снежок никак не тает
У подснежника в руке?»

Пчелы

Пчёлы роем-хороводом
Собрались лететь за мёдом.
Сад цветёт,
Луг цветёт -
И везде душистый мёд.

И над полем,

Скажет речке: «Вот спасибо!»
И домой бежит скорей.

А на завтра у раки
Снова с удочкой стоит.
Уж над ним смеяться стали
И ерши, и окуньки:
«Крепко мы его поймали -
Не отходит от реки!»

Слонёнок

Луна вставала выше
Луна светила ярко.
Слонёнок взял и вышел,
Ушёл из зоопарка.

Тот был слонёнок очень мал
Всего с корову постом.
Он просто Африку искал
И заблудился просто.

Нашли его.
Слониха-мать
Слонёнка стала обнимать.
А сторож засмеялся:
«Ты где же, слон, слонялся?»

Вздыхал слонёнок и молчал,
Не рассказал слонёнок,
Что он по Африке скучал
Давным-давно,
С пелёнок.

Смородина

«Смородина поспела!» -
Кричат перепела.
Алёнка не стерпела,
В смородину зашла.

Искала дочку мама,
Весь исходила сад,
Смотреть под кустик стала,
А ножки там стоят.

Снежинка

Снежинка летела,
Снежинка летела,
В ладошке моей
Отдохнуть захотела.

Присела,
Пригрелась,
Пропала снежинка.
В ладошке лежит и сверкает
Слезинка.

Сон

Густая рябина
Стоит у ворот.
А Вовка на льдине
По морю плывёт.

Под окнами грядки
Лежат при луне.
А Вовка в палатке,
В иной стороне.

Там белая вьюга
Бушует, кружа.
Тюлени, как друга,
Встречают моржа.

Там в санках катает
Медведь медвежат,
Снежинки летают
И звёзды дрожат.

Проснулся — рябина
Стоит у ворот,
А белая льдина
По небу плывёт.

Ссора

У Олежки с Ваней ссора.

Ох, помирятся не скоро!
По углам они сидят,
Друг на друга не глядят.

Мать оставила дела,
Их обедать позвала.
Вот за стол ребята сели
И обиду с кашей съели.

Тележка

Нас позвал к себе Олежка:
«Эй, ребята, у меня
Есть хорошая тележка!
Где б достать ещё коня?»

Мы решили всем двором:
«Кошку сделаем конём!»
Мурка грозно зашипела,
Нас возить не захотела.

Запрягали мы Барбоса.
Посмотрел на всех он косо
И стремглав умчался прочь.

Осмотрели мы тележку
И решили всем двором:
«Пусть катает нас Олежка!»
И Олежка стал конём.

Темнота

Боится мальчик Федя,
Боится темноты:
То чудятся медведи,
То дикие коты.

В углу белеет шапка,
А Феде не до игр.
Бежит,
Дрожит:
«Ой, папка!
Там притаился тигр!»

Туман

Из далёких синих стран
Поутру пришёл туман,
Походил полями, лугом -
Получился океан.

Как большие пароходы,
Стали сенные стога.
Рыжий месяц прыгнул в воду,
Потерял свои рога.

Лает лихо наша Дымка,
Поднимает громкий вой.
Наша Дымка невидимкой
Стала вместе с конурой.

У бабушки

Я у бабушки Маруси
Очень весело живу.
У реки гогочут гуси,
Овцы вышли на траву.

Пью утрами чай из блюда
На крыльце, как во дворце,
И у бабушки смеются
Все морщинки на лице.

Вместе с бабушкой встречаю
Рано солнышко в саду
И по маме не скучаю -
Только очень маму жду.

Царевна

Спускаюсь без опаски
С крутой горы к реке:
Зелёная, как в сказке,
Лягушка на песке.

Взяла меня досада,
И я решил сказать:
«Расколдоваться надо,

Пора царевной стать!»

Она взглянула гневно -
И пусто на песке.
Живёт моя царевна
В зелёном тростнике.

Шалаш

Шалаш укрыли с головой
Сухой картофельной ботвой,
И листья жёлтые, шурша,
Летят на плечи шалаша.

Осенний ветер воеет зло,
А нам и тихо, и тепло.
Холмится сено в головах,
Шалаш антоновкой пропах,

Закутан мглою небосвод,
Вот-вот зима прихлынет к нам.
Шалаш похож на пароход,
Плывёт в тумане по волнам.

Шофёр

Руль машины я кручу,
Жму на все педали.
Прикачу,
Куда хочу:
Здравствуйте!
Не ждали?

Покачу по мостовой -
Зашуршат шины,
Всех ребят бы взял с собой,
Да мала машина!

Щенки

В старом ящике, в соломе
Два щенка у нас живут.
Знают все ребята в доме,
Что едят они и пьют.

местах румяное солнце за высокую гору.

Воевода дочитал бумагу до конца, свернул в трубу и громко приказал:

—Рубить!

Двое мужиков в белых рубахах, подпоясанных красными поясами, разбежались и мигом оказались возле старого дуба. Поплевали в ладони и ударили разом по шершавой коре. Дуб загудел. В это время невидимая сила подхватила орла и подбросила вверх над гнездом.

Люди ахнули, увидев грозную птицу. Глаз не отрывали они от орла, за каждым его движением следили.

Он взлетел над великаном-дубом, над лесом, одетым в червонно-золотой наряд осени, над густой толпой и бородатым воеводой..

—А вот и хозяин! — весело сказал один из мужиков.

Все засмеялись. А воевода задумался, глядя на гордую птицу в ясном небе. Потом сверкнул глазами из-под мохнатых бровей и крикнул, показывая в сторону старого дуба:

— Быть Орлу-городу на месте орлином. Быть крепости русской отныне и во веки веков! — Быть! — дружно ответил народ.

А орел улетал все дальше от того места, где валились наземь деревья, поднимались высокие стены и островерхие башни, где в огне вечернего костра исчезало его гнездо.

Так и не узнал, что именем его был назван город — большой и красивый, тот самый, в котором мы живем.

РОДОСЛОВНАЯ

Давно я живу на земле. Как это началось? Мама рассказывала:

—Сама я альшанская. Мне было восемнадцать, когда отец твой с Фоминки присватался. Сыграли свадьбу, венчались в Альшанской церкви, стали жить. Как тебе родиться, переволновалась я сильно. Показалось, что время пришло. Отвезли меня в Салтыки, в больницу. Лежу день, другой — скучно стало. Запросилась домой. А тут приехал за тетей Груней дядя Илюшка: жили они в ту пору в Альшани, на бугре. Я тоже засобиралась. Сели в телегу и поехали. С кромской дороги на Альшань свернули — туча зашла, молнии засверкали. «Поехали, — говорю, - к нашим». Заехали к моим родителям.

Прилегла я в горнице отдохнуть, и тут началось. Кликнули старушку, по прозвищу Конфетка. Она велела воды вскипятить и приняла роды. На улице гроза гремит, молнии полыхают, а у меня — радость: сын родился.

К вечеру отец твой приехал с мамашей. Повезли нас с тобой на Фоминку. Дедушка Матвей сам не в себе от радости. Кричит: «Внук!» Когда крестили тебя, так народу было в хате от угла до угла. На иной свадьбе меньше. Гости песни пели, а ты все спал.

— А потом?

— А потом стал ты подрастать, ходить научился. Помню, в белой шапочке с махорчиком, в рубашке розовой ходишь по лавке, а бабушка Ефросинья: «Ой, Шура, да какой же он у тебя коротенький! Видать, в альшанскую бабушку Авдотью!» Водила тебя в Кузнецы, в церковь: нашу Альшанскую к тому времени закрыли. Помню, ходишь ты по церкви да все иконы разглядываешь.

— А дальше что было?

— Трудно жили. Люди в колхоз записались, а твоя бабушка Ефросинья: «Сказано в Священном писании, что все будет людям дадено, да ненадолго». Не пошли. За это у нас из амбара весь хлеб выгребли. Сашка и еще один мужик в сапогах по муке ходили. Чуть корову не отняли. Отец твой в город подался.

Работал там, пока не слег. Меня тоже тиф свалил. Остригли наголо. Дедушка твой Матвей в Сабурово пошел, в пастухи нанялся. Бывало, щей поест, а пайку хлеба — домой. Все тебя подкармливал. Ты ешь, а он смеется, радуется. Выздоровели мы с отцом, решили в колхоз идти. За нами— дедушка с бабушкой и Маня, сестра твоего отца.

Слушаю рассказ матери и вспоминаю: вот я стою на лавке и поедаю пайку сабуровского хлеба на глазах счастливого дедушки. Пайку он вынул из сумки, сшитой из холста, вытканного в нашей хате. Однажды бабушка пошла в Сабурово к дедушке, а он ей в обратный путь что-то в сумку положил. Сказал: «Смотри, не разбей, очень нужная в хозяйстве вещь». Бабушка несла тяжелую сумку и все думала, что же это за драгоценность там. Принесла и ахнула: большой серый камень. На том камне точили, помню, и ножи, и лопаты, и топоры. Даже соседи приходили точить.

В колхозе дедушку сделали шорником. Чинил он хомуты, шлеи, обратки и другую упряжь. Делу этому он научился давно, еще в царские времена. Мужики приходили, усаживались на большой сундук, в котором копилось приданое для Мани, и вели долгие разговоры с дедушкой. А он все чинил и чинил хомуты. Я помогал ему относить их в горницу. Пришла как-то бабушка Авдотья, позвала в гости. Я дошел до колодца и говорю: «А кто же дедушке будет помогать?» Вернулся. Дедушка, понятное дело, обрадовался: «Молодец, — говорит, — что не бросил меня».

Однажды в саду смотрел я, смотрел, как он прививает яблони, и давай расспрашивать:

—Дедушка, а кто был твой дедушка?

—Кто? Мужик, землю пахал.

— А как его звали? Тоже Матвеем, как тебя?

—Нет, у него было свое имя — Антип.

—А по отчеству?

—Было у него отчество, да только...

Дедушка вздохнул и развел руками.

Мне стало грустно, будто бежал-бежал и вдруг налетел на каменную стену. Дедушка повел речь о том, каким был Антип сильным и смелым, как выходил без шапки на мороз. Даже такое случалось: зимой сходил на улицу босиком, в хате обмёл веником ноги и полез на печь отогреться.

Были и такие истории, где замешаны колдуны и русалки. Однажды летом, уверял дедушка, заметил Антип, что в поле неладно: кто-то по ночам снопы разбрасывает. Пошел в поле, залег в копне и стал наблюдать. Стемнело. В небе ангелы отворили дверцы-звезды и начали за землей присматривать. Тихо стало. Ровно в полночь увидел Антип такую картину: идет полем великан в белом, хватает снопы и разбрасывает. Хотел молитву читать мужик, да голос пропал. Лежит, как связанный, ни жив ни мертв. А великан подошел сзади, обдал страшным холодом и улегся за спиной Антипа. Он обернуться побоялся, а руку-то протянул к великану, схватил за длинный, скользкий, холодный нос. Схватил и давай крутить. Тут петухи на деревне закричали. Оглянулся Антип — кругом пусто, а в ладони горсть от снопа, мокрая от росы, зажата. Почесал в затылке мужик и побрел по земле, где в каждом темном месте нечистая сила сидела.

Дедушка рассказывал одну сказочную историю за другой, а я все расспрашивал. Очень уж хотелось узнать побольше о нашей старине. Антипа, как я потом узнал в Орловском архиве, звали по отчеству Климентовичем. Что с ним стало, никто не расскажет. Вот приеду в родные места, увижу поле за канавой, гору за рекой, церковь и школу — и такое волнение охватит душу: почудится на выгоне тень прапрадеда Антипа или его сына, моего прадеда Максима.

Максим все лето работал, а зимой путешествовал. Наберет в городе товару и повезет продавать. Однажды заночевал на постоялом дворе, а там хозяева совсем другие. Куда подевались прежние, постеснялся спросить. Чует, что дело

неладно. Тревожно стало на душе. Еле утра дождался. На том же постоялом дворе обоз купцов ночевал. Утром обоз — за ворота, а Максима хозяйка задержала: то ей булавку продай, то бусы подбери. Максим сел в телегу и ударил кнутом по лошади. Видит: обоз уже далеко, вот-вот за поворотом скроется. Глянул назад, а за ним уже погоня: хозяин с хозяйкой в телеге едут. «Не уйдешь!»—кричат. Максим лошадь погоняет. Вдруг ремни сбруи лопнули — подрезаны оказались. Соскочил, надвязал и опять помчался. Стал кричать, чтоб купцы услышали. Докричался. Обоз остановился. Погоня прекратилась. Потом из города наехали власти с солдатами на постоялый двор. Устроили обыск. В колодце нашли загубленных людей. Там нее и прежних хозяев нашли. Увезли душегубов в тюрьму...

Наслушался я рассказов о старине и объявил дедушке, что когда-то давно он был маленьким, а я стареньким и в поле пахал.

— Помнишь, как ты мне обед приносил? — спросил я.

Дедушка удивился и, смеясь, ответил, что помнит. С радостью принял выдумку внука.

А я ничего и не придумывал. Я верил, что так и было: когда-то очень давно я шагал за сохой, а он, мой дедушка, приходил ко мне с узелком на пашню и был не седой и лысый, а совсем маленький.

Так что же со мной происходило? Я верил в придуманное? Или ко мне переселилось кое-что из памяти прадедушки Максима? Загадка и только.

А разве не загадка вся наша родословная, растянутая на века и затерянная в них, как в густом, непроглядном тумане?

МИШКА И МАШКА

Этот удивительный случай дедушка Матвей от своего отца Максима услышал.

На большой дороге был постоялый двор. Жили в нём хозяин с хозяйкой - хорошие люди. Был у них сынок лет семи. Вот прискакал человек верхом на коне и велит хозяину никого к себе на ночь не пускать: будут к вечеру сам царь с царицей.

Приготовили хозяева лучшие комнаты для важных гостей, выставили на стол закуски и вина, стали поджидать. Вдруг постучался в ворота совсем необычный гость, да не один, а с медведем и медведицей. Запросился переночевать.

— Не могу! — замахал руками хозяин. — Никак не могу! Государь с государыней вот-вот пожалуют.

— Куда же нам в такое позднее время идти? — вздохнул гость. — Пусти хоть во двор, где скотину держишь. Мои Мишка и Машка — звери смирные.

Сжалился хозяин. Пустил. Велел только сидеть тихо.

Поздно вечером прикатили три тройки с важными гостями. Сели гости за стол пировать. Пили, ели, а потом самый главный, что царем себя называл, достал из-за голенища большой нож, воткнул в стол перед собой и гаркнул во все горло:

— А ну, хозяин, неси деньги сюда на стол, иначе жизни решу.

Хозяин задрожал. Хозяйка в слезы ударилась. Не царь с царицей, а лихие разбойники в дом нагрянули. Целую шапку золота им вынесли — мало. Еще полшапки — мало. А мальчик тем часом — в сени да во двор. Рассказал все гостю, что с медведями ночевал, Тот поднял мохнатых друзей на ноги и повел в дом, хозяева стояли на коленях перед разбойниками.

— Мишка, хватай злодеев! - крикнул медвежий вожак. — Машка, лови душегубов!

Медведь взревел и через стол к самому атаману кинулся. Тот — в окно, только стекла зазвенели. А медведица принялась душить каждого, кто ей в лапы попадался. Еле разбойники ноги унесли...

Уж так благодарили хозяева дорогого гостя и его верных друзей. Не знали,

чем и употчевать Михаила Ивановича и Марию Ивановну.

ЧИБИС

Шли мы лугом в Драгунский лес, а над нами кружился чибис. Кружился и кричал: «Чьи вы? Чьи вы? Чьи вы?». Дедушка Матвей смеялся:

— Он ко мне приставал и тогда, когда я был маленьким.

Я смотрел на дедушку — лысого, бородатого, в синей рубахе с косым воротником, никак не мог представить его маленьким мальчиком. Потом все-таки представил и спросил:

— А к твоему дедушке, когда он был маленьким, тоже чибис приставал?

— Наверное. Такая уж у этой птицы привычка.

А у дедушки твоего дедушки тоже был чибис?

— Обязательно был.

Шли мы дальше и все разговаривали. Мне начинало казаться, что над нами — вечный чибис: всегда он был и всех спрашивал.

Но вот прошли многие годы. Не стало моего дедушки. Расстался я с деревней. Как-то летом приехал, луг проведать решил. Глянул, а луга нет. Распахали его и овсом засеяли. Стоит овес и сережками звенит до самого Драгунского леса. И никто не окликает меня, не спрашивает, чей я. Нет моего чибиса. А я-то думал, что он вечный. Грустно стало. Перешел я через Оку по тонкому мостику, двинулся по тропинке вдоль берега и увидел клочок луга, не тронутый трактором. Стал рассматривать кочки, одетые травой. И вдруг: «Чьи вы? Чьи...»

Оказывается, он сюда переселился — дедушкин, прадедушкин, прапрадедушкин чибис. Вечный, да и только!

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Груша стояла посреди сада и была выше всех. На это дерево и полез я с деревянным домиком в руках. Влез и укрепил домик на самом толстом суку. Спрыгнул на мягкую землю, усеянную круглыми прошлогодними листьями, и стал ждать скворцов. Вот прилетел один. Сел у самого домика, попрыгал-попрыгал и нырнул в круглую дыру. Потом высунул нос, затем голову, черную, как сажа, и выскользнул весь, такой же черный. Что-то крикнул на своем языке.

Теперь-то я знаю что. Вот что:

— Бррр! Не понравился мне твой домишко! Совсем не понравился. Фррр! Полечу-ка я лучше к твоему другу Петьке.

Я стоял под грушей и чувствовал себя самым несчастным человеком на земле.

Воробьи прыгали у ног. Поглядывали острыми, маленькими глазками на меня и что-то говорили на своем языке. Теперь-то я знаю что. Вот что:

— Живи-живи весело! Мы будем жить в твоём домике. Чик-чирик! Чик-чирик!

Порхнули из-под ног. Полетели к домику. Осмотрели со всех сторон. Побывали внутри. Поселились. А там вывели маленькие воробьи крохотных воробейчиков и совсем в саду стало весело.

Я слушал, как заливаются на всю деревню скворцы в соседнем саду, и считал своего друга Петьку самым счастливым человеком на свете.

НА ГОРЕ

Ящерица жила на горе. Гора, изломанная оврагами и овражками, нависала над Окой, опушенной лозами и тростниками. За рекой — наша деревня. Посреди

этой деревни мы стояли и разговаривали.

— Мне, говорю, — бабушка велела травы нарвать для нашей Рябки.

— И мне велели, — вздохнул Петька. — Иначе Зорька молока не даст.

— Мне тоже надо идти за травой, — сказал Васек, которого мы за глаза называли Царевичем. В глаза не называли, чтоб не обидеть: прозвище все-таки.

Взяли мешки, перешли по плотине на другой берег и поднялись по каменистому дну Милаева оврага вверх. Нашли под березками место, где трава была высокой, тонкой и мягкой — не резала рук. Нарвали столько, что мешки набили доверху. Крепко завязали мешки, но поднимать на плечи не стали. Толкнули — они и покатались с горы, как бочки. Весело было смотреть, как мешки катятся и прыгают.

Мешки с травой внизу, а мы наверху.

— Давайте еще по горе походим, — говорю.

— Это можно, — обрадовался Петька.

— Отчего ж не походить? — согласился Васек Царевич.

Ходили-ходили, ничего интересного не увидели

— Тут одни камни да песок, — поморщился Царевич. — Даже травы не видать. Пустота одна. Лучше б уж зима была. На лыжах бы катались.

— Погоди зиму кликать, — рассердился я. — Лучше глянь под куст: там что-то шевелится.

Присмотрелись вместе: под кустом на краю оврага шевелилось и убегало от нас что-то длинное и очень проворное.

— Уж! — брякнул Царевич.

— Сам ты уж, — говорю сердито.

— Змея?

Тут уж я совсем вышел из себя.

— Книжки, — говорю, — надо читать. Это ящерица! Я такую на картинке видел.

— И я видел, — поддержал меня Петька. — Если ей на хвост наступить, то...

— То что? — загорелся Васек.

— А ничего, — хитро прищурился Петька. — Вот наступи, тогда и увидишь.

— Сам наступи, — насупился Царевич. — А может, она кусается?

— А ты видел у нее зубы?

— Не...

— Такого, как ты, укусить, — засмеялся Петька, — надо зубы иметь большие, как у волка.

— Или как у нашего Рябчика, — вспомнил я нашу собаку.

Пока мы разговаривали, ящерица спряталась в траве. Искали-искали, еле нашли. Васек осмелел и наступил ей на хвост. Наступил и отдернул ногу: на земле лежал и шевелился хвост. А самой ящерицы и след простыл.

— Что же теперь будет? — растерялся Царевич.

А ничего, — спокойно рассудил Петька, — у ящерицы новый хвост отрастет.

— Правда? — Васек посмотрел на меня.

— Правда, — говорю. — Книжки надо читать. Там и про это написано.

Мы спустились с горы, подобрали мешки с травой и понесли в деревню. Васек Царевич шел и вздыхал.

— Тяжело? — спросил Петька.

Нет, — ответил он. — Ящерицу жалко. Сколько ей, бедной, ждать теперь, пока новый хвост вырастет.

КОНЬКИ

Мне купили коньки. Блестящие, с загнутыми головками, они так ладно подошли к моим валенкам, аккуратно подшитым дедушкой, что я как встал на

них с утра, так и не разлучался с коньками до самого вечера.

Лед на Оке, был похож на стекло. Под этим стеклом даже видны были пескари. Но мы с Васьком Прониным на рыб не смотрели. Некогда. Коньки сами уносили нас по реке к Альшани, Покановке и дальше. Вон уже и Кнубрь с горой Лихачевкой в сторону отошел. Хаты Кузнецовки показались.

— Далеко заехали, — тревожно напомнил мне приятель.

— Верно, — согласился я. — Дальше не поедем, а то в Кромы попадем.

На обратном пути морозный ветер еще крепче хватал нас за уши, обжигал щеки. За Альшанской церковью догорал закат.

Дома стал я раздеваться, разуваться, а мать:

—Посмотри-ка, что с валенками сотворил.

Глянул и обомлел: коньки острыми головками прорезали подошвы. «Вот отчего, — подумал, — они так ладно сидели».

Вздыхнул и полез на печку. Лежал под одеялом и слушал сердитый мамин голос:

— Больше не поедешь кататься. Хватит! На такие коньки валенок не напасешься.

Грустно засыпал.

Утром разбудил меня дедушка:

—Кататься поедешь?

И положил передо мной коньки: головки были подпилены. Теперь они уже не казались такими надежными, как вчера, но зато можно было опять кататься.

КАПИТАНКА

Когда я был совсем маленьким, меня пугали стариком:

— Не шали, а то старик заберет. Не будешь слушаться, старика кликну.

Даже дедушка иной раз пугал, хотя его самого бабушка называла стариком:

— Ты бы, старик, сходил в подвал за картошкой.

Сплел бы, старик, пару корзин.

Дедушка не обижался и в свою очередь называл бабушку старухой:

— Свари-ка, старуха, щей из свежей капусты. Как думаешь, старуха, завтра будет дождь?

Бабушка тоже не обижалась. И щи отменные варила, и погоду безошибочно угадывала. Даже умела на весь год угадывать по каким-то приметам на небе. Хорошие у меня были дедушка с бабушкой. А отец лучше всех. Был он молодой, веселый, песни пел вечерами. И днем на покосе пел. Сказки мне рассказывал. Очень любил я отца и никогда не сердился на него. А однажды рассердился. Вот как это случилось.

Купили мне картуз с блестящим козырьком. Кто-то сказал, что это не простой картуз, а капитанка. Такие картузы, носят капитаны на кораблях. А мне всегда хотелось быть моряком, чтобы волны шумели вокруг и палуба качалась под ногами, а на пути удивительные острова встречались. Я надел капитанку и сразу стал ближе к синему, бурному, далекому морю.

Летом, на Троицу праздник был. Отец надел мою капитанку и пошел к дому Арешкиных, где гармонь играла: очень уж он песни и пляски любил.

Взбежал я на самый верх нашего подвала, поглядел, как отец уходит, а козырек моей капитанки блестит на солнце, и закричал на всю улицу, не выговаривая букву «р»:

— Старик, а старик! Отними у него мою капитанку.

Долго меня пугали стариком, а тут и он пригодился. И что же вы думаете, выручил! Услышал отец и вернулся ко мне:

— Держи свою капитанку!

Потом он всю жизнь вспоминал этот случай.

Вспоминал и смеялся.

КОМПАС

Отец принес мне из города компас. Смотрел я, как стрелка покачивается и прыгает, север-юг показывает, налюбоваться не мог. Показал Петьке, Ваську Царевичу, Ваську Пронину, Ване Федорину, Ваську Кузякину и другим ребятам. Компас всем понравился. На другой день мы отправились в Драгунский лес. Идем-идем и остановимся, чтобы по компасу проверить направление.

— Смотрите, — говорю друзьям. — Какой умный компас! Синей стрелкой на лес показывает, а красной — на Кнубрь.

— Это потому, — поясняет Петька, — что Драгунский лес на севере находится, а деревня Кнубрь — на юге.

Мы шумно разговариваем, а дедушка Матвей идет следом и улыбается в бороду.

Вот пришли мы в лес и сразу забрели в самую чашу, где белые березы толпились густо и дубы в два обхвата стояли. От дедушки оторвались. Теперь мы и без него не заблудимся: у нас компас.

И зашли мы далеко-далеко.

— Как бы не заблудиться? — вздохнул Васек Царевич.

— Не заблудимся, — уверенно заявил я и вынул из кармана ученую штуку.

Стали смотреть. А стрелка прыгает: то на юг покажет красной стрелкой, то синей, то обернется, попрыгает и запад-восток теми же концами ищет.

— Чудно! — почесал в затылке Петька. — Вроде как заблудился компас.

— Неправильный компас! — рассердился Васек Пронин. — Завел нас в чашу, а выводить не хочет.

— Сам ты неправильный, — вспылил я и давай компас встряхивать.

— Зачем трясешь? — поинтересовался Ваня.

— А я почему знаю, — ответил я жалобным голосом. — Может, мой компас такой, что его в лесу потрясти надо.

Стрелка сильнее запрыгала. То кинется на север, то на юг, а то совсем ни в какую сторону.

Страшно стало.

И вот тут-то, когда мы совсем испугались, рядом раздался голос дедушки:

— Ну, как? Живы, пострелята?

В руках у него было лукошко с грибами. Ребята промолчали, а я спросил: — Дедушка! Расскажи, как ты нашел нас без компаса.

— У меня свой компас, — усмехнулся он и двинулся прямо на юго-запад, как раз в ту сторону, где наша Фоминка.

Теперь-то я хорошо знаю, что в родном лесу дедушка никак не мог заблудиться.

И мне теперь компас в Драгунском лесу не нужен. А вспомнил я о нем потому, что уж очень приятно вспоминать далекое-далекое, навсегда улетевшее детство.

ИГРА

Когда мой дедушка Матвей был маленьким, жилось ему очень трудно. Отец умер. Бедность совсем одолела. Уговорил его один парень:

— Пошли играть в нищих!

— Как это? — спросил Матвей. -

— А так. Я притворюсь слепым, а ты при мне поводырем будешь.

— Пошли.

Выбрали дальнюю деревню, где их никто не знал. Весь день ходили по хатам. Люди жалели нищих, надавали им хлеба, лепешек — кто что мог. Матвей

пришел домой и похвалился:

— Вот сколько насобирал добра.

— Ах ты негодник! — закричала мать. — Да в нашем роду ни в какие времена нищих не было.

Взяла хворостину и отстегала сына.

На всю жизнь запомнил он этот урок. Дал себе слово—никогда не попрошайничать. Гордость в себе развивал. В десять лет научился пахать и сеять, в двенадцать— чинить хомуты и всякую другую упряжь. Даже по деревням ходил вместе со старшим братом Афанасием, на хлеб и одежду зарабатывал. В пятнадцать пошел в далекий и славный город Киев, стал отличным пекарем на Крещатике: хозяева наперебой к себе зазывали.

До самой старости шорником в колхозе работал. Да что я говорю: «до самой старости»? До последних дней своей жизни. Редко откладывал в сторону шило, свайку, дратву. Работал и песни пел. Бывало, за что ни возьмется, все играет в его руках.

БЫК

—Пошли рыбу ловить, — предложил Петька:

—Пошли, — согласился я.

Взяли мы удочки, накопали за двором червей и засели у моста. Никак не клюет. То ли телеги часто гремят на мосту, рыбу отпугивают. То ли альшанские петухи своими криками мешают. Подняли мы удочки и вниз по Оке зашагали. Пробовали ловить под горой Кавказкой, пристраивались в других местах. Не везет да и только. По два пескаря поймали и решили удочки сматывать: вечер надвинулся.

Возвращаемся берегом, а навстречу — бык.

Это не наш, — говорю, — это альшанский бык. Видно, из стада ушел.

—А по мне, — ворчит Петька,—что альшанский, что наш, фоминский. Вот как начнет по траве катать да ребра считать.

—А может, он добрый?

Ничего себе добрый! Землю так и роет копытом. Неужто не видишь?

Вижу, — отвечаю.

А сам на гору. И Петьку зову за собой.

Одним махом я на самом верху очутился. Петька помедлил и проворно спустился к реке. Решил под кустом отсидеться. Бык увидел, что куст шевелится, и тоже к реке. Вижу сверху: круги по воде пошли. Бык постоял-постоял, крутнул головой и двинулся дальше.

Когда он уже был далеко, я сошел вниз и увидел Петьку:

—Живой?

Живой, — отвечает. — Только сильно мокрый. Поленился лезть на гору, пришлось искупаться.

Дома я рассказал эту историю отцу, а он — свою:

—В старое время был бык на барском дворе. Громадный, с крутыми рогами. Все его боялись. Один мужик с нашей деревни осмелел и ударил быка палкой.

Тот взревел и за обидчиком. Мужик через поле домой, а бык следом. Мужик в хату вбежал, дверь за собой на клин затворил. Куда там? Бык все запоры сорвал,

дверь распахнул и в хату ворвался. Спрятался хозяин под печку и лежит там, не дышит. А бык пошел печь рогами ломать. Всю разворотил. Худо пришлось бы мужику, если бы мальчик, сын пастуха, не прибежал. Прибежал он и быка окликнул. Услышал бык знакомый голос, сразу перестал печь ломать и вышел на улицу. Мальчик погладил его по мохнатой голове и вскочил на спину.

Поехал на барский двор, как на коне.

Закончил отец историю, которую от матери своей услышал, и сказал:

— Добром да лаской можно любого зверя приручить, не только быка.

Я засмеялся.

— Чему смеешься? — спросил отец

— Все Петьку вспоминаю, как он, одетый, в речку сиганул, — ответил я. —

Потом из речки вылез, а вода с него ручьями бежит.

КАВКАЗКА

Утро блестит морозными узорами в окне.

— Куда пойдем кататься? — спрашивает, стоя на пороге, закутанный в башлык Васек Царевич.

На башлыке — снег, на валенках — снег, щеки от мороза горят.

— Может, на Лихачевку?

— Пошли.

— Или на Климачевку?

- Можно и туда.

Васек на все готов, лишь бы кататься. Он однажды на коньках так закатался, что на урок появился на коньках. Въехал в класс, сел за парту, а коньки снимать не стал. Надежда Ивановна вызвала к доске, а он и поехал. Класс помирал со смеху. Иной раз меня дома прятали от него: а то опять сманит на улицу кататься.

Так вот, стали мы с ним еще на улице советовать, какую гору выбрать. Остановились на Кавказке. Надели лыжи и покатали огородами, одетыми в белое плотное полотно. Раз! Съехали с берега на лед. Сняли лыжи, взяли в руки и полезли вверх по крутому склону Кавказки. Выбрались на самый верх и залюбовались. Далеко видать!

Спуск с горы так крут, что весь не виден. Первым рванул вниз Царевич. Потом я. Учащенно забилось сердце. Молча нажал на палки и покатил. Ветер рвал шапку с головы, обжигал лицо, я летел и падал в бездонную пропасть. Одна мысль: только бы не упасть! Не успел опомниться, как лыжи пронесли меня через лед, одетый прикатанным снегом, и выбросили на берег, на белое пространство огородов.

Страх позади.

— Полезли на горку! Нечего тут прохлаждаться, - слышу голос нетерпеливого и неугомонного друга.

Мы опять поднимаемся на самый верх Кавказки. Снова нам хочется испытать жуткую радость падения, бега и взлета...

Катались мы не только на лыжах. Катались и на ледянках — круглых кошелках, плетенных из хвороста, обмазанных коровьим навозом, облитых на ночь водой, а потом превращенных морозом в гладкий и скользкий лед. Однажды скатились с горы одновременно, сшиблись на крутом спуске, разбили носы и долго кувыркались в снегу, пока не застряли в сугробе.

— Ты прямо как Дед Мороз! — смеялся Васек.

— На себя посмотри, — отвечал я.

— Вот приду домой и посмотрю.

Пока добрались до деревни, снег остался только на валенках.

...Давно не стоял я на самом верху Кавказки: все некогда было навестить родные места. Но вот как-то навестил, поднялся на гору и страшно стало. Глазам своим не поверил: неужели и вправду я отважился на такой крутой спуск. Ах, детство, детство — отчаянная пора!

ПАТЕФОН

У Гавриловых поселились учитель с учительницей. Их дочка со смешным именем Гилек подружилась с нами. Бегала по лугу. Ходила в Кочки по щавель. Бывало, нарвет цветов и предложит:

— Давайте венков понаделаем.

Расхаживаем все в венках и смеемся друг над другом.

А Гилек нас к себе в гости зовет.

—Приходите! — говорит. — У нас патефон.

—А что это? — спрашиваю.

—Ну, ящик такой. Сам поет и сам разговаривает.

—Я тоже сам пою и сам разговариваю.

— Ты — человек, — сердится она, — ты живой, а он, понимаешь, не живой.

—Чудно! Не живой, а поет и разговаривает. У нас даже петух говорить не умеет. А то ящик. Нипочем не поверю.

—Приходи — поверишь.

Пришли мы с Петькой и стали под окном. На подоконнике увидели черный ящик с блестящей ручкой.

— Сейчас! — крикнула из хаты Гилек.

В окне появился ее отец. Он вынес черную сковородку, поставил на гвоздик, что торчал из ящика, крутнул ручку. Зашипело.

— Ишь, как яичница на огне, — толкнул меня Петька.

—Сам ты, — говорю, — яичница. Молчи и слушай.

— Я и так слушаю, — обиженным голосом возразил Петька.

— Замри! — приказал я.

И даже ногой притопнул, чтоб не мешал. Отец Гилька усмехнулся и отошел в сторону.

А черная сковородка крутилась-крутилась, и вдруг из-под нее выбежал голос и запел:

Вдоль деревни, от избы и до избы
Зашагали торопливые столбы.

Потом хор подхватил песню.

Мы стояли с Петькой и слушали, широко раскрыв глаза от удивления, будто в сказку попали. Мне, помню, показалось, что под черной сковородкой спрятались маленькие человечки и там поют себе хором про электричество на деревне, которого у нас тогда и в помине не было.

Прошло много лет. Теперь и дети мои стали взрослыми. Без всякого удивления смотрят они телевизор, слушают разные магнитофоны и радиолы. И все-таки с удовольствием вспоминаю тот черный ящик на подоконнике, черную пластинку, похожую на сковородку, и пение невидимого хора.

И Петька вспоминает, хотя его давно, седого, почтенного человека, называют Петром Васильевичем.

ГАРМОШКА

Отец принес из города маленькую гармошку и сказал мне:

— Играй!

Я схватил подарок, прижал к груди и давай перебирать клавиши и растягивать мехи.

— Гляньте-ка, у нас теперь свой гармонист, — обрадовался дедушка. Отложил работу в сторону, вышел на середину хаты и пошел плясать вприсядку, приговаривая:

Ой, лопнул обруч
Коло дежечки.
Девчата мои,

Сыроежечки!

Частушку он привез из Киева задолго до моего рождения. Дежка, или дежечка, у нас в горнице стояла, в ней бабушка тесто для хлеба и лепешек делала. Грибы-сыроежки в Драгунском лесу росли.

Пришел Петька:

— Дай поиграть.

— Мне не жалко, — говорю, — играй на здоровье.

Петька играл, пока не уморился.

Васек Царевич прибежал:

— Дай мне.

Тоже поиграл.

Понабежали Ванек Степанидин, Васек Кузякин, Ванек Федорин. Все наигрались вволю. Потом пошли мы по деревне, совсем как взрослые. Я растягивал мехи, а друзья мои кричали во все горло:

Гармошечка рычит-рычит,

На улицу девок кличет.

Одна девка страданула,

Мать поленом навернула.

Бабушка смеялась и говорила тетке Дарье, соседке:

— Ишь, гожие ходят, гуляют.

От нее знал я, что гожими в старину называли парней, которых забирали в солдаты.

Долго мы ходили с гармошкой. К вечеру шли с поля наши матери, окружили меня и заставили играть «барыню». Играть «барыню» я не умел. Просто растягивал мехи попроворнее. Меня и за такую игру похвалили. Как пошла пляска! Уморился я, сил больше нет. А они все: играй да играй. Спасибо, пришел сосед Егорик Титов с балалайкой и выручил. Я гармошку под мышку и домой.

Когда гармошка сломалась, я сделал из нее самолет. С этим самолетом в руках долго бегал по лугу. Пропеллер, сделанный из жести, жужжал. Это нам так всем понравилось, что мы понаделали себе жужжалок. Одну я прикрепил к углу хаты: в ветреную погоду она гудела, как самолет. Мать хотела ее снять, но дедушка не позволил:

— Пусть гудит. Под эту музыку спать веселее.

А Егорик к осени оставил дома балалайку и уехал учиться на танкиста. Когда пришла война, он на своем танке бил фашистов. Бил далеко от родных мест. В нашей же деревне вот что случилось. Над горой сбили немцы наш самолет. В небе он был маленький, совсем как мой, сделанный из гармошки. Когда же упал в Чубаров огород, то громадную яму выбил. И все горел, горел... Немцы прикатили на Фоминку на машине. Искали летчика. Они же видели, как он прыгнул с парашютом. Всю деревню обыскали, всех расспрашивали, да так и уехали ни с чем. Летчик спрятался у тетки Марфы, отлежался. Иван Никитич, наш знаменитый на всю округу доктор, тайно летчика вылечил и проводил за околицу. Он опять поднялся в небо и воевал. Про все это я узнал потом, когда уже немцев в нашей местности не стало, а на лугу опять заиграла гармошка и девушки запели:

Дайте море, дайте речку,

Дайте огненной воды,

Чтобы смыла я с крылечка

Окаянные следы.

После войны самый лучший гармонист был на Двориках. Когда он садился на белый камень и начинал играть, то заслушивались все: и девушки, и березки, и хаты, и соседний Драгунский лес. Бывало, стою, слушаю и с улыбкой вспоминаю свою попытку стать гармонистом. Смешная попытка, а милая сердцу.

ДНИ ТРЕВОЖНЫЕ

В 1937 году мне было семь лет. В ту пору я очень завидовал всем, кто умел читать и писать. Сам я не умел, а поэтому лишь картинки в книжках рассматривал да рисовал в тетрадке кружочки и хвостики вместо букв.

— Не горюй, научишься, — утешал меня дедушка. — Вот пойдешь и научишься.

Он откладывал в сторону хомут, шило и дратву, начинал мне рассказывать историю про мальчика, который учился при царе, когда детей в школе розгами пороли, голыми коленками на гречиху ставили, а буквы называли не так, как теперь, а совсем иначе: аз, буки, веде, глаголь» добро, живете, земля. Пришел этот мальчик из школы, раскрыл букварь и давай кричать на всю хату:

— О престрашный аз! О прежуткое веде! О глаголь с закорючкой! О добро с ногами, живете с рогами!

Слушал-слушал отец мальчика и говорит:

— Слезай, мать, с печки! Сын страсти читает.

— Какие страсти? — интересовался я.

— Страшные, — отвечал дедушка. — Такие страшные, что волосы встанут дыбом.

— Твои не встанут, — подавала голос бабушка.

— Само собой, — соглашался дедушка, поглаживая себя по лысине.

Отец все утро провел на покосе в Кочках и собирался, как схлынет жара, опять туда. Теперь же он сидел за столом и читал газету. Читал, вздыхал и покачивал головой:

— Подумать только, что на свете делается!

— Ты тоже страсти читаешь? — спросил я.

— Страсти, сынок, — кивнул головой отец, не отрываясь от газеты.

Мне нужны были подробности, поэтому я продолжал приставать;

— Про что эти страсти?

— Да все про врагов народа.

— А что они делают?

— Враги-то? Да все вредят трудовому народу. Они вредят, а их ловят и судят.

— А у нас в деревне есть враги?

— Вот прикатит из Орла «черный ворон», — вмешался дедушка, — вот тогда и узнаешь, есть они или нет.

— Какой ворон?

— Машина такая. Черная-черная. В нее сажают людей и увозят.

— Куда?

— Сперва в город, в тюрьму, а потом осудят и туда, куда Макар телят не гонял.

— Какой Макар? Альшанский мужик?

— Совсем другой. Это просто так говорится.

Дедушка наклонился над хомутом, отец ушел к амбару отбивать косу. Я задумался о той далекой стране, куда Макар еще не гонял телят. Вдруг в сенях послышались шаги. Открылась дверь, и на пороге появился еще один дедушка. В глаза его звали Алексеем Стефановичем, а за глаза Алешкой или Братом, это

за то, что он, когда волновался, то часто вставлял в разговор слов «брат». Настоящим же братом он приходился моей бабушке Ефросинье. Вошел он, глянул в угол, где висела лампада и стояли на полках иконы, перекрестился, поклонился и заговорил быстро-быстро, будто куда спешил:

— Вот, брат, какое дело. Такое дело, брат, что прямо не знаю, брат, что с нами будет,

— Какое дело? — спросил я.

Тебе рано про это знать, — строго отмахнулся бабушкин брат.

Присел на лавку и посыпал словами, как горохом:

— Был в городе, знакомого встретил.. Из тюрьмы выпустили. Народу, сказывал, в бывшем Орловском центре битком набито. И все, брат, сидят ни за что ни про что.

— Сохрани и помилуй нас царица небесная! — перекрестилась бабушка.

— Еще слышал, — продолжал ее брат, — один человек под Москвой поехал рыбу ловить. Смотрит, у речки видный из себя гражданин стоит. Тоже с удочкой. Разговорились о жизни. Так этот гражданин, знаешь, брат, что сказанул.

— Что? — вскинул черные густые брови мой дедушка.

Я за столом уткнулся в тетрадь с Пушкиным на обложке и продолжал рисовать свои крючки-хвостики, сам же ловил ушами все, что говорили взрослые.

— Сказанул, брат, — почти шепотом выдохнул бабушкин брат, — такие слова: «В семнадцатом году вы нас побили, а теперь — мы вас».

— Господи! — всплеснула руками бабушка. — Неужто опять переворот власти? Может, царь вернется?

— С того света? — сердито усмехнулся дедушка. — Нет уж, Миколке возврата нет. Теперь нами Сталин правит почище султана турецкого. Церкви закрыл, в колхозы людей загнал.

О чем они дальше говорили, я не дослушал. В окно гукнул Васек Царевич, позвал в лапту играть. Вернулся я, когда совсем проголодался, а солнце за горку ушло.

Вечером на Фоминку кино привезли. Натянули белое полотно на стену конюшни колхозной и стали показывать. Мы с отцом уселись рядом. На полотне горел испанский город Мадрид. Отец читал слова. Потянуло холодом. Я прижался к отцу — стало тепло. Не заметил, как заснул. Отец взял меня на руки и понес домой. Проснулся я в нашем амбаре, вылез из-под красного одеяла, спрыгнул на пол и пошел к двери по золотой дорожке света. Открыл дверь, солнце теплым потоком хлынуло в лицо. Через поле бежал ко мне ласковый ветер. Я зажмурился. Когда же открыл глаза, то увидел дедушку. Он расхаживал по саду.

— Ты что делаешь? — спросил я.

— Место для шалаша выбираю.

— Правда?

Я ликовал. В саду весело заливались птицы. Высоко в небе серебристым крестиком летел самолет. Маленький, а гудел на всю округу. До чего же хорошо жить на белом свете!

После завтрака мы с дедушкой строили шалаш. Из палок, из соломенных щитов, сверху бурьяном да польном укрывали. Вечером переселились из душной и тесной хаты в шалаш, поближе к птицам и звездам. Птицы к ночи умолкли, а звезды сияли во всю мочь. Белый-белый стелился по небу Млечный Путь. Я уже знал от бабушки, что если человек рождается, то загорается новая звезда, а если умирает человек, то обязательно она гаснет...

Много звезд скатилось с голубого бархата вышины в ту тревожную пору. В

один из вечеров — сразу восемь. Именно восемь фамилий вычитал отец из «Орловской правды». Это были, как я теперь хорошо знаю, М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков, В. К. Путна. Их называли врагами народа, судили и расстреляли. Их невиновность была доказана потом, через многие годы. Тогда же пошел я к Гавриловым, а у них журнал на столе с портретом. Дядя Петя прочитал подпись внизу: «Нарком Ежов — любимец партии». Наркома наградили орденом за то, что он выловил много врагов народа. Всюду со страхом говорили о «ежовых рукавицах», в которые то и дело попадали люди.

Из восьми фамилий в детской памяти сохранилась одна: Тухачевский. Хранил я эту фамилию с неприятным чувством, хотя дедушка — смелый человек, вслух сомневался во всем, что писали газеты о врагах народа. Отец молчал. Я же очень верил печатному слову, хотя еще не умел читать. Бабушка учила меня говорить только правду. А печатное слово всегда мне казалось выше устного.

Если бы их тогда не осудили и взяла верх правда, я узнал бы из книг, как Миша Тухачевский, будущий маршал, любил Суворова, играл на скрипке и, прочитав «Войну и мир», очень захотел увидеть великого русского писателя. Он упросил отца поехать в Ясную Поляну, а там сам Лев Николаевич Толстой посадил мальчика в бричку и прокатил по старинному парку своей усадьбы. Мать полководца была крестьянкой, отец — дворянином. И еще я узнал, что сын литовского крестьянина И. П. Уборевич в октябре 1919 года командовал армией, освобождал от белых Орел, а В. М. Примаков, командир червонных казаков, наводил ужас на денкинецов под Кромами.

Под Кромами, в Горках, жила бабушка Наталья, сестра моего дедушки. На всю жизнь я запомнил ее рассказ про штыковой бой на Шаховском лугу:

— Вот сошлись красные и белые, стали биться. Ох, и крови было! Штыками ведь кололи друг друга. Один красный пырнул штыком белого солдата, а тот начал помирать да его имя перед смертью назвал. Красный присмотрелся и родного брата узнал. Схватился за голову, прибежал к нам да так плакал-убивался, что глядеть было страшно. Вот какая была война! Брат брата...

Дедушка вспоминал, как белые забрали его вместе с лошадей и телегой, заставили на себя работать, разную кладь возить. Однажды увидел он, как денкинцы подвели к сараю своего офицера и расстреляли. Офицер молча принял смерть.

— За что вы его, ваше благородие? — спросил дедушка.

— Это — Некрасов, красный разведчик, — сказал офицер.

Дедушка поездил-поездил с белыми и начал домой проситься.

— Куда? — спросил офицер.

— Туда, — показал дедушка кнутовищем в сторону своей деревни.

— Но там же противник!

— А вы меня к противнику отпустите.

— Тебе, мужик, чужие дорожке своих! — крикнул офицер.

Дедушка промолчал, но в первую же ночь укатил домой.

Лошадь у него была быстрая. Ласточкой звали. Как увидел ее красный командир, проскакал на ней по Фоминке до самой речки. Ласточка не бежала, а летела. У крыльца спрыгнул наземь командир и сказал хозяину:

— Как хочешь, отец, а Ласточку отдай. Взамен оставлю тебе другую лошадь. Пахать-скородить и на этой можно.

Дедушка молчал.

— Побьем белых, выбросим их в Черное море, — продолжал командир, — верну твою Ласточку в целости-сохранности.

— Бери, — вздохнул дедушка.

Скрылся из глаз эскадрон.

Годы прошли.

Улетела быстроногая Ласточка навсегда. Может, сложила голову в бою вместе с веселым красным командиром. А может, еще долго служила ему, пока не попал он в железные «рукавицы» наркома Ежова...

Осенью 1938 года я пошел в школу. Научился читать. Книги стали моими лучшими друзьями. Однажды услышал от отца, что маршал Блюхер — тоже враг народа. Я открыл книгу и залил чернилами его портрет.

— Почему ты это сделал? — спросила Надежда Ивановна.

Я ответил.

Она побледнела и ничего не сказала. Не любила она говорить о врагах народа. Все говорила о том, что надо жить дружно, помогать друг другу и очень любить нашу великую Родину. Один мальчик из бедной семьи ходил в рубашке и брюках, купленных на деньги учительницы. Вместе мы путешествовали по полям и перелескам родной страны, вместе пели песня, вместе потом пережили войну.

— Надежда Ивановна и меня учила, — рассказывал отец. — Ей было девятнадцать лет, когда она появилась в Альшанской школе. С длинной русой косой ходила. Может, помнишь старый фильм про Дубровского? Так она была точь-в-точь как Маша Троекурова в фильме.

Никогда не забуду первый школьный день. Сияло осеннее солнце над Окой, над полями, над старой церковью. На клумбах еще пышно цвели цветы. У церковной ограды прыгали воробьи. Маковки и кресты золотились. Кусты акаций заглядывали в окна. Надежда Ивановна — высокая, светлоглазая, с волосами, подрезанными коротко, стояла у доски и рассказывала нам сказку. Забыл, о чем. Но хорошо помню, что в ней победило добро, и мы вздохнули с облегчением.

РЯБЧИК

Каждый раз, когда я шел в амбар, Рябчик гремел цепью и вылезал из конуры. Поднимал лохматую голову и, глядя, как я открываю окованную железом дверь, приветливо шевелил хвостом. Глаза говорили:

— А, это ты... А я думал, кто чужой.

Чужих он не любил. Мог даже куснуть до крови острыми, злыми зубами...

В октябре сорок первого года чужие люди заполонили нашу деревню. Они раскатывали на машинах и мотоциклах. Они толпились на крыльце, расхаживали по саду и бесцеремонно хозяйничали в хате.

Рябчик из темной глубины своей конуры смотрел на людей в зеленом, говоривших громко и быстро на языке совсем не таком, к какому он привык, и наливался яростью. Когда один солдат проходил совсем близко, мой лохматый друг не выдержал и рванулся к нему, вцепился зубами повыше колена. Немец вскрикнул, присел и бросился бежать, прихрамывая.

Рябчик, сделав свое дело, улегся на солому. Только шерсть еще дыбилась и вздрагивала да глаза горели.

Из хаты вышел другой солдат. Вышел с винтовкой. Рябчик вскочил и, гремя цепью, выбежал. Немец прицелился и выстрелил в мохнатый, собачий лоб.

Рябчик упал. Смотрел я, как он лежал недвижно, откинув цепь, и мне становилось жутко от мысли, что уже никогда не выбежит ко мне навстречу лохматый друг, не скажет глазами:

— А, это ты... А я думал, кто чужой.

Чужие люди почти на два года укрепились в нашем краю.

АВГУСТ

Когда закатывается лето и в садах свисают с веток румяные яблоки, я

обязательно вспоминаю давнее-давнее.

Вспоминаю август сорок третьего года.

Сначала нам было приказано вырыть для каждой семьи окоп. Вырыли на огороде, рядом с вишнями соседнего сада, где мой друг Петька весной слушал скворцов. Теперь и у Петьки был свой окоп под яблонями.

— Заходи, — позвал я Петьку.

Он спустился в наш окоп и похвалил:

—Надежный окоп. Можно прятаться от пуль и осколков.

—И в вашем, — говорю, — окопе можно.

—Только от бомбы нельзя.

—Нельзя, — согласился я.

Ночами над городом прожекторы, как большие ножи, рассекали небо, ухали зенитки, но самолеты упорно отыскивали цели для своих бомб. Я засыпал в амбаре и думал об одном: вот хорошо бы утром проснуться, а в деревне наши, и никаких больше немцев нет.

Проснулся однажды утром, а нам велят собираться. Куда идти? Разумеется, туда, где каждый вечер скрывается солнце, откуда родом наши конвоиры — угрюмые солдаты с винтовками. Стали собираться. Кто едет на телеге, кто тачку нагрузил пожитками, а мы пошли просто так. Двинулись с узлами на спине через выгон, через мост, через альшанский ручей, огородами, где зеленел картофель, усеянный белыми чашечками цветов, мимо темно-зеленых конопляников и грядок с огурцами. Покидать родные места никому не хотелось, поэтому шли медленно. Заночевали в каких-то кустах недалеко от дороги. Помню, частые взрывы доносились до нас. Пролетал наш самолет-«кукурузник». Видели, как Рубленный поселок горел. Думали: наверное, и наша деревня теперь в огне. Спать не хотелось. Сговорились три семьи меж собой, выбрались потихоньку из кустов да полем, полем — в Суходол. Там, в туманном логу, дождались утра под кустами. Всем страшно захотелось пить. Нашли болото, раздвинули тину и прильнули к воде.

Два дня так жили. На третий послышались крики. Опять немцы! Опять нас погнали. Гнали-гнали, да по дороге бросили. Мы — в рожь. Наутро припекло солнце, стали мы от жажды мучиться и выглядывать. Немцы наши выглядывания заметили. Смотрим, идут с автоматами. Окружили нас. Стоят в касках злые-презлые, а я думаю: вот и смерть пришла. Пожалели почему-то, не стали убивать. Подняли всех, вывели на дорогу и смешали с другими жителями — дворицкими, лавровскими, альшанскими. Петька был на два года старше, его с другими ребятами отдельно погнали. Потом они все в Брянском лесу оказались — партизаны выручили. Тетку Нюру с Альшани офицер высмотрел и в свою семью служанкой отправил. Жила она под Веней, работала и все своих поджидала. Дождалась и вернулась домой, когда уже никакой войны не стало.

А мы все шли и шли. Приотставать стала бабушка: ноги старые, больные, а тут еще в сыром логу застудила их.

—Ты, бабушка, поспешай, — говорю.

—Трудно мне поспешать, — вздыхала она.

Вдруг конвоир снял с плеча винтовку и двинулся к бабушке. Мы закричали и заслонили ее. Тогда немец ударил ее палкой два раза. Ничего не сказала старая. Только споткнулась два раза. Молча пошли мы дальше...

На холодной заре мы, брошенные конвоем, сползли на самое дно оврага у деревни Хмелевой. Листья ракут сыпались и сыпались на нас. Обрывал их не ветер, а немецкий пулемет. Чтобы не попасть под пули, мы сползали все ниже и ниже к ручью. Пулемет смолк. Наплывал сон. Вдруг в овраге все зашевелились. Кто-то вскрикнул радостно: «Наши!».

Глядим: на краю оврага стоят двое в плащ-палатках, с автоматами.

— Тише! — сказал один на родном русском языке. — Мы — разведка.

Тихо сидеть никто не мог. Кто смеялся, кто от радости плакал.

— Слава тебе, господи! — крестилась бабушка.

Мы ликовали: фронт перекатился наконец через наши головы и покатил, громыхая и полыхая, дальше на запад. Утро клубилось тучами, срывался дождь, а мы шли обратно и радостно кричали идущим и едущим навстречу солдатам:

— Здравствуйте!

Я так обрадовался, что забыл вчерашнее стояние во ржи перед автоматами. И еще забыл, что на моей голове — немецкая пилотка. Я подобрал ее перед самой эвакуацией возле нашего амбара. Примерил — мала. Мама распоролла ее и добавила лоскуток, чтоб в самый раз была. Один боец крикнул с машины:

— Фриц!

Меня огнем обожгло. Стыдно стало: день такой радостный, нас освободили наконец, а я все чужую пилотку держу на голове. Снял ее, проклятую, и закинул в альшанский конопляник. Никто не сказал мне ни слова, хотя в ту пору очень трудно было с одеждой. Так было трудно, что наши матери шили себе юбки из грубых мешков с нарисованными на них орлами, а мы бегали в штанах из плащ-палаток: жесткая материя гремела, как железо.

Подошли к Оке. У моста — машины. Одна, крытая брезентом, везла рельсы.

— Мальчик! — окликнул меня лейтенант. — Слыхал про «катюшу»? Вот она!

Я удивился: вот тебе и машина с рельсами. Лейтенант пояснил, что вся сила в снарядах.

У самого моста мы подались вправо, а бабушка оказалась правее всех.

— Бабушка! — испуганно закричал солдат. — Там мины, мины!

— Я и то, сынок, мимо, мимо иду, — ответила старая, расслышав по-своему.

А вот и Фоминка наша. Но что это? Дом Чичириных цел, дом Тихона Зыбина на месте, а других хат как не бывало: одни печи трубами в небо глядят. Бабушка подошла к пепелищу и давай золу разгрести костью. Потом вздохнула и пошла к своей дочери, тетке Федоре, жить. У нее хата уцелела.

В первую же ночь мы с Васьком Царевичем заночевали на чердаке нашего амбара. Проснулись и увидели солнце, услышали, как солдаты в саду разговаривают. Один с медалью «За отвагу» кивнул в сторону чердака, откуда свесились наши стриженные головы, и громко, на весь сад сказал:

— Орлы!

И засмеялся.

Нам тоже стало весело. Потом я с грустью вспомнил, что дедушка Матвей так и не дождал до освобождения. Не дождал и дядя Федор, сосед, отказавший мне целый ящик книг. Книжки сгорели вместе с хатой и горницей. Помню, взял я черный том Гоголя в руки, а листы — раз и рассыпались, в золу обратились.

Фронт ушел от нас далеко. Мы копали картошку, ждали вестей с войны. От одной вести три матери залились слезами: в окопе убило снарядом Юрика, Осипа и Колю. Поздней осенью, когда с темного неба срывался снег, пришло письмо об отце: тяжело ранен. Написал его товарищ. Потом и сам он писал с Урала, пока домой не вернулся насовсем.

Учились мы в Альшани, в уцелевшей хате. Школа, бывшая при немцах лагерем пленных, приняла нас только через год.

Надежда Ивановна стала седой. Умоляла нас не трогать мины и снаряды. Слушались не все. Подорвались на Фоминке Миша Шелаев и Вася Прыгунов, на Выселках — Гриша Иконников, первый ученик, и Алеша Ершов, на Покановке — Ваня Мартынов. Мой верный друг Васек Царевич потерял глаз и пальцы правой руки.

— Ах, ребята, ребята! — сокрушался Иван Никитич, наш фоминский доктор, перевязывая мальчишек.

Помню молодых солдат на лугу. Выстроил их командир и сказал речь: призвал бить врага. Они стояли строгие и печальные.

Помню еще, как бойцы, стоя в машине, пели:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

И еще, как работали, как писали чернилами из свекольной жижи, как собирали колоски, как ели жмых, твердый, как камень. Еле выжили. Но салюты гремели, приближая Победу. И сияло незакатно золотое солнце августа сорок третьего года.

ВОЛКИ

Мы в поле собирали горох. Было мне лет шесть, а может, и семь.

—Старайся, — говорил бригадир. — Трудодень запишу.

Радостно было, что со всеми взрослыми работаю. И друзья мои радовались, тоже старались. Вдруг слышу:

—Волк! Волк!

Я побежал смотреть, но ничего не увидел.

—Опоздал! — смеются ребята. — Волк уже в лесу.

—Какой же он? — спрашиваю. .

— Большой, серый, — отвечает Васек Пронин, живший в деревне через дорогу от нашей хаты.

Обидно мне стало, что прозевал зверя, да ничего не поделаешь...

Потом, когда мне было тринадцать лет, взяли мы с Васьком Царевичем косы и отправились далеко-далеко, аж к Сабуровскому лесу, траву косить. Взяли с собой еды на ужин и завтрак и пошли. Как только пришли, так сразу же принялись за дело. Косили, пока не стемнело.

—Пора, — говорю, — на покой.

Набрали травы посуше да побольше — получилась гора. Зарылись в нее и глядим на звезды. Свежий ветер бежит по лицу, а нам тепло: трава греет. Далеко где-то коростель скрипит: «Скрип, скрип, скрип»...

И вдруг: «Оу! Оу!».

—А ведь это волки, — шепчет Царевич. — Что же нам делать, если нападут?

—Ничего, — говорю, — косами отобьемся.

А у самого мурашки по телу бегут.

Волки повыли-повыли и пропали. Опять «скрип- скрип» завел свою песню коростель. Так убаюкал нас, что проснулись мы, когда уже солнце вышло из-за холма.

—Пора! Пора! — принялся я трясти за плечо друга.

—Не тряси, — сердито ответил он. — Сам вижу, что пора.

Съели мы завтрак — и за косы. Про волков и думать позабыли: очень уж работы было много у всех нас на четвертом году войны.

После войны, когда мой отец, вернувшись домой, работал сторожем на току, я рассказал ему про волков.

— Это что! — засмеялся отец. — Я вот недавно с волком носом к носу столкнулся, да рассмотреть не успел.

— Почему?

—Глаза были закрыты.

—Как же это случилось?

—А так. Караулил я рожь на току. Ночь холодная. Завернулся в тулуп, угрелся и задремал. Чую сквозь сон: кто-то подошел ко мне, вздохнул и ушел. Утром глянул: след. Тут подошел Данила Титов, известный наш охотник. Я говорю ему:

—Не собака ли?

—Какая собака? — сказал Данила. — Это волк приходил! Я его след хорошо знаю.

—Что же он меня не съел?
—Пожалел, как видно.
—А я думаю, — продолжал свой рассказ отец, — учуял серый, что у меня ружье под рукой, вот и поспешил обратиться подальше от греха.

ПОДСОЛНУХИ

В поле за оврагом цвели подсолнухи. Было тихо, солнечно. И каждый подсолнух был похож на маленькое солнце, привязанное к земле.

—У подсолнухов золотые ушки почему? — спрашивал Саша.

—Дома расскажу, — говорила мама и озабоченно осматривала мальчугана.

— Чем задавать всякие вопросы, ты бы лучше репы поснимал с костюма.

На маму Саша не обижался. Он знал, что она интересно обо всем рассказывает, а сейчас у нее просто плохая минутка. Саша молча шагал к высоким домам городской окраины, уставленной березами. Вдали виднелась железная дорога. Поезд быстро пробежал и крылся за желтеющими деревьями, за мохнатым дымом костра. Покачиваясь, плыли облака. Куда? На-верное, в те страны, где пальмы стоят у моря, проворные обезьяны прыгают по веткам, полосатые тигры рычат по ночам.

—Мам, а на людей тигры нападают? — спросил Саша с тревогой в глазах.

Мама усмехнулась:

—До чего же ты смешной? То спрашивал про подсолнухи, теперь тебе тигры понадобились зачем-то. Не бойся, в наших местах тигры на тебя не нападут.

—А там?

—Где там?

—Ну, в тех странах, куда облака летят.

Мама улыбнулась. Саша весело запрыгал, даже про тигров забыл. Пришла хорошая минутка. Такая орошая, что можно и сказку выпросить. Но тропинка пустилась в овраг, выбежала наверх и подвела Сашу мамой к самому крайнему дому города — двухэтажному, кирпичному, с черепичной крышей.

Из дома выкатился Олежка:

— Сашок! А я тебя ждал-ждал. Чего же ты так долго не приходил.

Олежка спрашивал и размахивал синим беретом перед носом своего приятеля.

—Я у бабушки был в деревне, — отвечал Саша. - Там рыбу удочкой ловил, ходил по грибы. И еще видел в поле подсолнухи. У них золотые ушки.

—Правда? — загорелся Олежка.

—Настоящая правда! — и Саша показал, какие большие и какие круглые видел подсолнухи.

—Пойдем посмотрим, — предложил Олежка.

—Мама не пустит.

—А мы тайно.

Тайно еще ничего не делал Саша. А что если попробовать? Мальчик задумался.

На другой день Олежка отправился в детский сад. Саша сидел дома и рассматривал книжку с картинками. Олежка пришел поздно, когда солнце уже сидело на верхушке березы. На закате листья казались кованными из тонкого железа.

— Можно мы погуляем? — спросил Саша у бабушки.

Она разрешила.

Друзья выбежали на улицу, вскоре тропинка повела их полем. Быстро прошли они оврагом, просохшим болотом, выбрались наверх и увидели подсолнухи. Темной стеной стояли они.

— Как в лесу, правда? — сказал Олежка и запрокинул голову, чтобы увидеть больше.

Очень понравилось ему в поле. Захотелось принести подсолнух домой. Друзья сломали по одному. Потом заспорили, водятся тут звери или нет. Не заметили за разговорами, как солнце село.

—Мне что-то страшно, — признался Саша и зябко шевельнул плечами. — А ну как волки прибегут сюда.

—Не прибегут, — успокоил друга Саша. — В овраге только одни кусты шевелятся.

—Отчего шевелятся?

—От ветра.

Сказал, а самому боязно: вдруг да не от ветра шевелятся кусты. Что тогда?

—Мы их тогда палкой, — твердо объявил Саша.

—Палкой, — повторил, как эхо, Олежка.

Спустились в овраг. Из-под ног посыпались комья земли. Олежка споткнулся и упал, зацепив боком за куст. Из-под куста что-то выпрыгнуло. Да не просто выпрыгнуло, но и поскакало.

—Заяц! — угадал Саша.

—Где? — вскричал Олежка.

Вместе увидели они, как в сумерках катился мячом и исчезал зверек.

До самого дома говорили про зайца.

—И мамам расскажем, — ликовал Олежка. — И подсолнухи покажем.

—Моя мама рассердится, — вздохнул Саша.

—Тогда будем молчать.

—Нельзя молчать. Я от мамы ничего не скрываю.

В окнах сияли огни. Две мамы стояли на пороге. Они обошли всю окраину, разыскивая ребят. Теперь у той и другой была самая «плохая минутка».

Саша понял это сразу, поэтому сказал своей маме:

— Знаешь что? Ты возьми и мне нашлапай. Ладно? Я же провинился.

Но мама и не собиралась шлепать. Она только печально объявила, что он — плохой мальчишка. И еще наговорила много сердитых слов. Саша глянул на подсолнух: он валялся в углу — темный, помятый, совсем некрасивый.

Только ночью приснились ему подсолнухи такими, какими они стояли перед ним в поле за городом...

Теперь зима. Белые сугробы кругом. Морозный ветер прилетает с поля. Саша и Олежка в пальто и шапках выходят кататься на узких и быстрых санках.

Смотрят в сторону поля, и кажется друзьям, что там за снежной далью стоят и сейчас подсолнухи с широкими шумными листьями. Стоят и разговаривают с солнцем.

ЖИЛ-БЫЛ ШАРИК

Саша и Маша, мои дети, сидели дома, а их мама, учительница, пошла больного ученика проведать. Там показали ей щенка — мохнатого, коричневой масти, с веселыми черными глазами.

—Хорош черноглазик! — похвалила учительница.

—А у нас еще один есть, — обрадовалась похвале хозяйка. — Точно такой.

Пошла в другую комнату и вынесла оттуда щенка коричневой масти, с веселыми черными глазами:

—Возьмите! Это вам подарок к Новому году.

Пришла учительница домой и, не раздеваясь, шагнула к детям:

—Ловите!

Дети замерли от восторга: на полу стоял перед ними красивый щенок — мохнатый, коричневый, с черными глазами. Стоял и шевелил коротким хвостиком.

—Ура! — закричала Маша.

Саша отложил книгу в сторону и побежал за блюдцем. Принес молока и другой еды. Щенок испугался и скрылся в углу. Когда же осмелел, то стал и молоко пить из блюдца, и котлеты уничтожать, и даже на костях зубы пробовать.

Однажды увидел, что в доме книжек много, заинтересовался. А тут еще хозяйка помогла. Читала стихи поэта Евтушенко и забыла на диване. Щенок — мы его называли Шариком — подкрался, лизнул черный блестящий переплет и весело вцепился в него зубами. Все смотрели телевизор и не заметили. На радостное ворчанье Шарика не обратил внимания. Когда же обратили, то на книжку жалко было смотреть. Я рассердился и назвал Шарика варваром.

А мой друг, орловский поэт, поехал по своим делам в Москву и рассказал друзьям-писателям:

— Вот у нас в Орле есть щенок. В стихах понимает толк. Все книжки обнюхал — не тронул, а как до Евтушенко дошел, так сразу остервенился: давай рвать и кусать.

Друзья-писатели смеялись.

А мы Шарика в деревню отвезли. Не потому, что книжки грыз, а потому, что скучал он один в городской квартире: положит, бывало, лапы на подоконник, смотрит, как другие собаки бегают по улице, и воет жалобно на весь дом.

В деревне — простор.

Подружился Шарик с бабушкой Марусей и дедушкой Никитой, стал бегать в лес. Забежит, помню, в ложбину, где много цветов, и чихает громко: цветочной пылью нос запорошило. Разбредемся мы в разные стороны — всех разыщет в лесу, всех соберет звонким лаем. Бабушке помогал корову стеречь, у дедушки в мастерской в опилках кувырчался.

И все понимал. Бежит по траве, еле виден, будто коричневый мячик катится, только ушки торчат. Крикну ему:

— Шарик, а где Маша?

Встанет на задние лапы и разыскивает глазами Машу.

Она его сфотографировала и портрет на видном месте повесила...

Но вот случилась беда: искусал его большой черный пес. Прележал бедный Шарик, закутанный в бабушкину фуфайку, дня два и затих навсегда. Долго я не был в деревне. Иду как-то летом по улице и вдруг вижу Шарика. Коричневый, с веселыми черными глазами, он стоял под березкой и с недоумением смотрел на меня.

— Шарик! — вскрикнул я, хотя хорошо знал, что нашего Шарика уже давно нет на свете.

Коричневый пес вильнул хвостом и сердито зарычал.

Если бы это был Шарик, он бы тут же подбежал ко мне и обязательно подпрыгнул, обязательно изловчился и лизнул в лицо. Но это был не Шарик, а его сын.

С ним еще надо было познакомиться и заслужить право на верную дружбу.

НЕЗНАКОМКА

В конце лета возвращалась Маша вместе с мамой из деревни. Шла и всю дорогу вздыхала: жаль было расставаться с грибным лесом, с фермой совхозной, где бабушка научила ее коров доить, с резвой лошадкой, проворно носившей девочку по лугам и полям. Небо в темное одеяло облаков закутывалось, ветер в рукава забирался и обдавал холодом лицо. Никак не хотелось возвращаться в шумный и тесный город.

Вдруг на горе, перед самым спуском к ручью у деревни Рябцево увидела Маша маленькую, тоненькую серебристо-серенькую птичку: она прыгала у

дороги, но не улетала.

—Что с ней? - спросила девочка. — Может, она больна?

—Может,— ответила мама.

—Может, ее надо в город взять?

—Ей и тут хорошо.

—Было хорошо, а сейчас плохо,— возразила Маша.

Стала уговаривать маму взять птичку с собой. Уговорила.

А как взяла птичку в руки да спрятала от холода за пазуху, сразу весело стало.

В городе птичка быстро освоилась. Она бойко клевала зерно, пила воду из блюдца. Когда же выключали свет, отсыпалась в самом темном уголке — в кладовой.

Утром опять: прыг-скок, прыг-скок.

Так и дожила до весны.

Приблизился май. Собралась Маша вместе с мамой к бабушке, посмотрела на птичку, и показалось ей, что она глядит жалобно своими острыми глазками. Словно хочет сказать: «Возьмите меня с собой. У меня тоже бабушка есть».

—Возьмем ее с собой? — спросила мама.

—Возьмем! — обрадовалась девочка.

Посадили маленькую птичку в маленькую корзиночку и повезли. В троллейбусе доехали до городской окраины, а дальше пошли пешком. Полям да лугом, широкой дорогой да узкой тропой. Так и пришли к очень знакомому месту, откуда в самом конце лета птичку взяли. Как только выпустили, она сразу же прыг-скок, прыг-скок, а там — порх! — и улетела туда, где над оврагом кусты темнели.

—Вот где ее бабушка живет, — сказала девочка и вздохнула: жалко было, что улетела.

—А какой она породы? — спросила.

—Не знаю, — растерялась мама. — То ли овсянка, то ли другая какая птица.

Помолчала и добавила:

—Не так уж важно, дочка, что мы с тобой так и не узнали, какой она породы.

Важно другое.

—Что?

—Важно, что мы ее приютили и согрели, от стужи спасли. Делать добро — самое важное дело в жизни.

СЛЕД НА СНЕГУ

Узнал дедушка Миша, что у соседей кошка стала мамой, пошел просить котенка:

—Как только подрастут, уступите мне одного.

—Забирай хоть всех четырех, — засмеялась соседка.

—Нет, мне один нужен.

Как только котята подросли, дедушка пришел и выбрал себе черного с белыми ушками. Достал из кармана деньги.

—Да ты что? — замахала руками соседка. — Так бери.

—Нельзя так, — возразил дедушка Миша. — Примета есть: ежели котенок куплен, то приживется, а ежели задаром взят, то сбежит.

—Да разве кошки понимают что?

—Они все понимают, только говорить не умеют.

—Ну и ну, — удивилась хозяйка.

Согласилась взять двадцать копеек.

Дедушка Миша принес котенка домой, налил ему в блюдечко молока и

залюбовался: молоко белое, а котенок черный-черный, только ушки белые. Ел с аппетитом. Круглая головка двигалась то влево, то вправо. Поел, глянул на дедушку ласково, будто спасибо сказал.

— Молодец! — похвалил дедушка. — Хорошо ешь, хорошо расти будешь.

Котенок так привык к хозяину, что даже спать стал у него в ногах: свернется клубочком и мурр-мурр—свою музыку разводит. Утром вскочит и ну прыгать, резвиться, самого себя за хвост ловить.

На дворе бочка стояла с зерном для кур. Как ночь, так мыши туда. Заберутся и ну хозяйничать. Беда и только.

— Ну, погодите!— вышел из себя дедушка.

Взял в руки котенка и в бочку кинул. Раздался писк, и наружу выскочил котенок с мышкой в зубах. Остальные разбежались в разные стороны.

— Знаешь свое дело, — похвалил хозяин хвостатого друга.

Тот сверкнул глазами и скрылся со своей добычей.

Пришли из города внуки Димка и Павлик. Весь день бегали по саду, по лугу, по тем местам, где и дедушка резвился, когда маленьким был. Котенок тоже бегал. А как стали его ребята в город звать, он в сторону, в сторону и за дедушку спрятался.

— Он такой же деревенский, как и я,— усмехнулся хозяин. — Тут ему приволье.

И погладил своего приятеля по белым ушкам.

Пришло время, когда дедушки не стало.

Сбежал котенок.

Через много дней приехали внуки дедушкин дом навестить. Открыли дверь — дохнуло холодом из нетопленной печи, от пустынного жилья. И вдруг — черный клубок метнулся навстречу. Метнулся и исчез за дверью. Ребята выбежали наружу. Возле дома увидели на пухлом снегу свежий след — след верного дедушкиного друга с белыми ушками.

Ребята оставили ему еду, налили в блюдце воды и, возвращаясь в город, долго говорили о нем.

СЛОНЕНОК

В Орел приехал зверинец.

Слух об этом важном событии спустился с Ямской горы, переплыл Оку и пошел стучаться во все двери:

— Эй вы! Хотите зверей посмотреть? Хотите на диковинных птиц полюбоваться? Спешите! Спешите...

Ребята всех трех районов города немедленно пожелали увидеть льва и львицу, тигра и тигрицу, обезьянку и попугая, слона и слоненка.

Стоп! Про слоненка мы узнали раньше всех. Дело в том, что слоненок — как это случилось, никто толком не знает — вышел за ограду и отправился в путешествие. Молодая женщина, работница зверинца, прибежала с перепуганным лицом в редакцию, где я работал, и попросила напечатать срочно самыми большими буквами объявление о том, что пропал слоненок.

— Как это пропал? — пошутили мы. — Из чемодана, что ли, выпал?

— Нашему слоненку нужен чемодан размером с автобус, сердито сказала работница зверинца. — Не выпал, а вышел погулять.

— Слоненок, — говорим, — не котенок. Разыщется. Орел — город, а не джунгли африканские. У нас все на виду.

Кое-как успокоили женщину.

В тот же день слоненка встретили на берегу Оки. Он прогуливался под Ямской горой и, бросая взгляды на деревья городского сада, о чем-то задумывался. О чем? Может, свою милую Африку вспоминал? Что ни

говори, а любая душа, даже самая раззвериная, тянется к родному месту.

ДРУЗЬЯ ПОЭТА

Поэт Сергей Есенин очень любил животных, особенно собак. Пришел в гости к писателю Алексею Максимовичу Горькому и стал ему читать свое стихотворение о собаке, которую очень обидел хозяин: отнял щенков. Дочитал до того места: «покатались глаза собачьи золотыми звездами в снег». Горький не выдержал и заплакал.

А еще пришел Есенин к артисту Василию Ивановичу Качалову и так подружился с его псом Джимом, что заговорил с ним стихами:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую бесшумную погоду.

Много было у поэта хвостатых друзей. Он даже гордился этой дружбой. С радостью писал, что он «зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове».

Когда поэт был очень молодым и ему очень нравилась одна девушка, он послал ей записку. Вложил в ошейник верного пса и послал. Девушка была красивой и гордой. Не вынула записку из ошейника и не прочла. Есенин не дождался ответа и уехал. Когда же вернулся через многие годы в родные места, то его встретил не прежний пес, а другой. Поэт написал об этом так: « в ту же масть, что с отливом в синь, с лаем ливисто ошалелым меня встрел молодой ее сын».

И еще сказал:

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?
Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом.,.

Дом поэта находится в рязанском селе Константинове. Там теперь музей. Ехали мы туда в большом и красивом автобусе и все вспоминали стихи про березки, поля, сенокосы, про жеребенка, который хотел обогнать поезд.

И, конечно, про собак.

Когда же автобус въехал в Константиново, где Есенин родился, учился, играл с друзьями на высоком берегу Оки, то первое, что увидели мы, это собаку. Белый, «с отливом в синь», пес подбежал к нам и приветливо замахал хвостом. Нам сразу стало весело. Пес будто из есенинского стихотворения выскочил. Мы предположили, что он — прапраправнук того самого друга поэта, который встречал его «с лаем ливисто ошалелым».

Наш пес не лаял. Он продолжал приветливо махать хвостом, довел нас молча до самого есенинского дома.

Когда мы уезжали, он стоял на снегу и долго смотрел нам вслед.

И не лаял.

Наверное, и до него дошла просьба Сергея Есенина: «Не лай! Не лай!»

Да разве можно лаять на друзей поэта, который писал прекрасные стихи и очень любил все живое на земле?

РОДНАЯ СТАРИНА

Льется-вьется ручей над ракидами, поспешает к Оке. Для того чтобы увидеть гольцов — резвых жителей песчаного дна, чтобы зачерпнуть родниковой воды, надо спуститься с холма по тропинке. На холмах — Альшань. Когда жива была бабушка Авдотья, я любил приходить сюда, любил слушать ее удивительную речь. Говорила она по-своему: не деревья, а древа, не домой, а ко двору, не Одесса, а Одест. Перед сном молилась за всех внуков и правнуков. Вставала чуть свет и хлопотала: то корову доит, то сено ворошит, то картошку в огороде подкапывает. Один раз заболела и двинулась в медпункт.

—Что-то я захворала, — сказала фельдшерице. - Ты бы мне помогла.

Та подала градусник:

—Подержи, бабушка.

Взяла градусник и домой.

—Вот, — говорит сыну, — дали мне подержать эту штуку. Видно, от хвори помогает.

Сын рассмеялся:

—Это же казенная вещь. Надо было подержать и вернуть.

Испугалась бабушка, что ее на старости лет за воровку сочтут. От испуга даже боль прошла. Поспешила к фельдшерице:

— Спасибо! Помогла твоя штука.

Больше не болела. Так и дожила до девяноста годов.

—Бабушка, — говорю, — живи до ста!

—Что ты? Господь с тобою. Все мои подруги там, а я тут задержалась.

—Смерти не боишься?

—А чего ее бояться. Это же — сон. Не страшно, что каждый день засыпаешь?

—Не страшно, — говорю.

—То-то. Вот и живи себе на здоровье!

Золотая бабушка. Маленькая, худенькая, а правду всем говорит в глаза. За то и провожали ее всем селом в последний путь...

Бабушка Ефросинья, сколько помню, души во мне не чаяла. Бывало, печь топит, хворост в огонь подкладывает и рассказывает одну историю за другой.

— Вот жила, — говорит, — в деревне нашей старушка. Умерла. Все плакали, жалели ее. На третий день стали гроб выносить, а она зашевелилась и поднялась. Народ врассыпную, кто куда. Когда же пришли в себя, стали расспрашивать старушку, что она видела на «том свете».

—Все видела, — отвечает, — все мне показали, даже то место, где мне находиться положено.

—Какое же это место?

—Нельзя говорить.

Так и не открылась.

— А еще, — продолжала бабушка Ефросинья, — вот какой случай вышел. Жил странник в лесу. Богу молился. И увидел он однажды птичку красоты небывалой. Захотел ее непременно поймать. Целый час гонялся, да так и не изловил. А пошел в тот же день в деревню соседнюю — никого узнать не может. Деревня переменялась. Что за оказия? Стал старичок людей расспрашивать, откуда они, чьего рода-племени. И узнал: пока за птичкой гонялся, сто лет на земле, как единый час, пролетело. За примерную жизнь он небесного времени удостоился: у нас — век, там — час.

А теперь я скажу, — вмешивалась тетка Федора, бабушкина старшая дочь, великая мастерица воду наговаривать, чтоб целебной была, умеющая травами хворь снимать, — в одной деревне у мужика золотой червонец пропал. Он подался к бабке-знахарке: так, мол, и так. А с ним еще сынишка был лет семи.

Промерз бедняжка. Бабка послала его на печку греться, а мужика — в сенцы, чтоб думать не мешал. Сама же открыла подполье и спрашивает: «Ну, что ты скажешь?» А оттуда, из темноты, голос: «Червонец корова съела, но ты свали все на невестку. Будут ее ругать, доведут до петли — и она станет навечно нашей». Мужик, услышав ответ бабки, насупился, кликнул мальчишку и пошел домой. А сын-то по дороге все обсказал, что с печки услышал. Зарезали корову, а червонец в желудке. Деньги большие. Тут же новую корову купили. И невестку не заподозрили, что она будто деньги украла.

Помолчала тетка Федора и еще одну историю рассказала:

— Жил в деревне колдун. Всю округу в страхе держал. Как свадьба, так зовут старика, на почетное место сажают. Не позовешь — обязательно порчу наведет. Вот собрались в одном доме свадьбу играть, а колдуна не позвали. Призадумались, как быть. А тут забрел к ним старичок-побирушка. Спросил, отчего приуныли. Хозяин и выложил все, как есть. А старичок советует: «Завтра, как за невестой ехать, так запряги не лучшую лошадь, а клячу, которую не жалко». Так и сделали. Только лошадь за ворота, как — бац, растянулась. Откинула копыта и лежит, не дышит. И тут бежит колдун деревенский и бросается грызть конское мясо. А старичок-побирушка приговаривает: «Сам наготовил, сам и ешь». Взмолился колдун, в ноги к старичку повалился: «Прости! Больше не буду!» — «Ну, смотри, — сказал старичок, — на первый раз милую тебя, а в другой раз не жди от меня пощады». С той поры перестал колдун мужиков в страхе держать. Нашлась и на него управа.

Дедушка Матвей рассказал, как Николай и Василий, святые люди, к богу шли:

— По дороге видят: мужик с телегой застрял в грязи. Никак не может выбраться. «Надо помочь», — сказал Николай. И засучил рукава. Весь испачкался, зато вытащил телегу. А Василий в стороне стоял. Белые свои одежды пожалел. Пришли к богу, а он говорит: «Тебе, Николай, за то, что мужика выручил, будут два праздника в году, а тебе, Василий, один».

Скрипнула дверь. На пороге появилась тетка Матрюща:

— Здорово вам, добрые люди!

Мы хорошо знали, что она больше всего сны любит рассказывать. Маня, ее сестра, жившая с нами, выглянула из-за занавески.

— Пришла? Только сны не рассказывай, пожалуйста.

Тетка Матрюща постояла-постояла и к двери:

— А тогда мне и рассказывать нечего.

— Ладно уж, проходи, — сжалилась бабушка.

Присела тетка, с минуту потерпела, а потом:

— Вижу я во сне, будто я по лугу...

— А навстречу бык, белый-белый, — подсказала Маня.

— А ты откуда знаешь? — удивилась тетка Матрюща. — Я же не с тобой рядом спала. Я за речкой живу.

— А мне твои сны издалека видны.

Все засмеялись.

— Будет вам, — не выдержал отец. — Лучше я про русалку расскажу. Стояла на краю деревни избушка, всеми забытая. Тропинка к порогу травой заросла. Заметили люди: по ночам в окне огонь загорается. Соберутся парни и девки петь-плясать, а увидят свет, всем страшно делается. По домам разбегаются. А один парень не сбобел. «Пойду, — говорит, — погляжу». Пошел. Только дверь открыл и обомлел: сидит перед ним девица-красавица и пряжу прядет. Косы длинные до полу свесились. «Кто ты?» — спросил. «Русалка», — ответила она.

И рассказала, что прокляла ее мать еще маленькую. В нехорошую минуту

сказала: «Чтоб ты провалилась!» Она и провалилась, в руки к самому сатане попала. То для него пряжу прядет, то веревки вьет из песка, то воду решетом носит. Только одна неделя есть в году, когда русалок на волю отпускают. Сидят они во ржи и хохочут. Ежели парень рядом окажется: поймают, защекочут до смерти. Открыла красавица тайну: власть сатанинская над ней тогда отпадет, когда ее полюбит добрый молодец.

— Что же дальше было? — спрашиваю с нетерпением.

— Свадьба была, — весело отвечает отец. — Эх, жалко, что меня на той свадьбе не было!

— Ты бы песни пел, — напомнила Маня.

— На то и свадьбы, чтобы песни играть, — подал голос дедушка Матвей.

Пока разговаривали, он валенки подшил. Да и другие не сидели без дела. Бабушка пряла. Мать чинила мне рубашку. Отец, разложив хворост, корзину плел. Вот он задумался, качнул головой то вправо, то влево и запел:

Эх-да, лес-дубравушка шумит.

Эх, по этой дубравушке,

Эх-да, путь-дороженька лежит.

Песню подхватили:

По этой дороженьке

Красная девушка шла.

За этой за девушкой

Молодой солдат вослед.

Одну спели, за другую взялись:

Соловей да с кукушечкой разговаривают:

«Полетим, кукушечка, во мой зелен сад.

Во моем садике молодец гулял...»

Песня печальная. Молодцу надо в солдаты идти. А служба тяжелая: стоят солдатухи в строю, а у них слезы катятся.

Слезы катятся. Домой просятся

К молодой жене, к малым деткам.

Бабушка добавляет:

К юным малолеткам.

— Цыц! — кричит дедушка. — Последней строчки не было. Это ты сама придумала.

— Экая важность — строчку придумала, — ворчит бабушка. — Вон на

Покановке Чекулай целую песню сочинил.

Откашлялась и запела:

Распроклятая та деревня,

Распроклятое то селенье:

Они день и ночь мало спят.

Друг перед дружкой они торопятся,

Чтобы с поля скорее убраться,

Чтобы дождичек не пошел.

Отец подхватил:

Собирались отец и мать жати,

Посылают и Ванюшу жито жать.

Вышел Ваня на крылечко.
Положил серпок на плечко.

Дальше вот что случилось: Ваня серпом порезал себе руки. Недалеко «сударушка жила», к нему скорешенько прибежала, «уняла его нежную кровь». . Помолчали.

— Еще про Машу не пели, — напомнила Маня.

—И то верно, — согласилась бабушка- — Про Машу я пять песен знаю. С какой начнем? Может, с этой:

Ишла Маша, Маша из лесочка,
Нашла Маша, Маша два веночка
Себе и дружку,
Себе и дружку.
Маша речи говорила,
Ох, да говорила ямщичку.

Про то говорила, чтобы он не покинул Машу одну в чистом поле.

Потом пели «Катюшу», не ту, которую все мы знаем, а другую — старинную: .

Сидела Катюша поздно вечером одна,
Вышивала Катюша по тамбуру рукава,
Вышивши, Катюша в терем к батюшке пошла...

Стала дочь просить отца, чтобы он куда-нибудь ее определил. «В монастырь», — решил отец. «В монастырь я не гожусь, — ответила Катюша. — Молодых монашек всех по кельям разгоню». Что делать? Придется замуж отдать. Посватался один жених — отказала. Другому — тоже отказ. А пришел веселый парень с балалайкой — согласилась.

— А вот эту песню, — сказала бабушка, — меня свекровь Маланья заставила выучить. Потом еще проверяла, чтоб запомнила слово в слово:

Закаталось ясное солнце
За весь тёмный лес,
За весь тёмный лес.
Эх, проходила красавица
Да весь белый свет,
Да весь белый свет.
Эх, ковыль-трава шелкова
Стелила мой след,
Стелила мой след...

Песня печальная и долгая, как зимняя дорога. Жалуется в ней добрый молодец на то, что его сударушку повели венчаться с другим. А вот еще один добрый молодец. Это уже из другой песни:

Ехал-ехал я столицей.
Заезжаю в городок.
Там стоит красна девица,
Продает сладкий медок.
Попросил я напиток —
Она пить мне не дает.

Попросил я с ней проститься —
Она ручку подает.

Песня веселая, да конец печальный: девица напомнила молодцу, что он, шельма, забыл ее и женился на другой.

— «Утушку» забыли, — напоминает тетка Матрюща. — А ну-ка:

Эх, утушка моя луговая,
Эх, утушка моя луговая,
Луговая, Луговая...

Отец не забыл любимую:

Снежки белы-лопушисты,
Принакрыли все поля,
Принакрыли все поля.
Одно поле не накрыто,
Поле батюшки мово.
Среди поля есть кусточек,
Одинешенек стоит...

Долог зимний вечер. Земля, укрытая лопушистыми снегами, крепко спит под частыми и яркими звездами. В конуре у амбара чутко дремлет Рябчик — мой верный косматый друг. На дворе отдыхает на соломе корова. Под крышей притихли воробьи. Куры вместе с петухом сидят на жердочках. Овцы сбились в кучу в самом темном углу двора. К весне появятся бойкие ягнята, весело будет видеть их на лугу с цветными бантиками на боках. Под нарами (бабушка называет их: хоры) в хате прилег теленок. Спит себе, с белым пятнышком на лбу. Песни и разговоры ему не помеха. А кошка на краю печки не просто спит, а даже музыку свою завела. Только услышать ее можно в полной тишине. Сверчок, когда все разойдутся, голос подаст. А пока широко и вольно гуляют песни по хате. Все уже устали петь, начинают переговариваться, но отцу никак не хочется расставаться с песней. Он запекает еще одну:

Не влюбляйся в черный глаз,
Черный глаз опасный,
А влюбляйся в голубой —
Голубой прекрасный.

— Почему опасный? — спрашиваю.

— Дурной, — строго разъясняет бабушка.

— Чем дурной?

— Тем, что глянет на тебя — и ты захворал. Сглазит!

— Или приворожит, — с улыбкой добавляет отец. И пошли разговоры про то, как в старину привораживали. Вспомнили Амурчиху, лавровскую старушку. Мастерница гадать-привораживать, она славилась на всю округу. Амурчихой прозвали за то, что ее муж на Амуре служил и там запропал. С Фоминки чаще всех к ней ходила Чучуколка. Почему такое чудное прозвище? Говорят, когда еще маленькой была, то любила петь:

А чу-чу!
А чу-чу
Я горошек молочу
На чужом точку,
На припекочку.

Обернулась песенка прозвищем и приклеилась к человеку на всю жизнь. Прозвища прилипчивы. В Альшанской школе вышел ученик к доске, а учительница говорит:

— Придумай имя существительное.

Он думал-думал, покачиваясь от напряжения, и брякнул:

— Бревно!

Что же ты сам качаешься, как бревно? — засмеялась учительница.

Так Бревном и прозвали. Прозвище к детям и внукам перешло — стали Бревнушкиными звать.

К Чучуколке прозвище из песни пришло. Так вот, завернула она однажды в холстину кусок баранины и двинулась через поле в Лаврово. Попросила Амурчиху:

— Помоги, бабушка, приворожить жениха к моей дочке Нюше.

Амурчиха дар приняла, а взамен дала воды наговоренной. Наказала:

— Стань посреди дороги и кричи. С какой стороны прибегут люди, оттуда и сватов жди.

Крикнуть следовало ровно в полночь.

Места себе не находил дома в тот вечер Тимофей, муж Чучуколки. Пропала жена да и только. Стожары горели высоко в небе, когда со стороны большака послышался голос:

— Разбой!

Повторился:

Разбой!

И еще:

— Разбой!

Тимофей услышал первым. Первым и побежал на помощь с топором в руке. Еще и мужиков кликнул. Прибежали и. видят: стоит на канаве Чучуколка одна. Никто ее не грабит, не грозит смертью.

— Чего орешь? — сердито спросил муж.

— Так нужно, — шепнула она.

Стыдно стало Тимофеем перед мужиками. Повернулся и молча зашагал домой. А жена ему вслед:

— Тимоша! Не гневайся. Я все сделала, как Амурчиха велела.

— Ну и что?

— А то, что с Фоминки нам ждать сватов.

Поднял Тимофей глаза к Стожарам, и показалось ему, что даже звезды смеются над ним и его неугомонной женой.

Много раз я слышал эту забавную историю. И до войны, и потом.

Другая история была про Пармена, альшанского мужика, моего прапрадеда. Собрался он в город, а жена ему:

— Ты бы горшок купил, а то совсем некуда сметану сливать.

— Ладно, — пообещал Пармен. Сел в сани и поехал.

Дело было зимой. В городе дорогу так накатали, что сани иной раз сами бежали и лошадь по задним ногам подталкивали. На базаре, где торговец горшки расставил, с этими санями вот что приключилось. Катнулись они в сторону торговца, зацепили гору с посудой и...

— Что же ты, лиходей, натворил? — схватился за голову хозяин горшков.

— Не ори, — спокойно посоветовал Пармен.

— Как же не орать, когда ты всю мне посуду перебил своими проклятыми санями?

— Ну и что же, что перебил. Экая беда! — еще спокойнее возразил Пармен.

— Лучше ответь, сколько стоят твои горшки.

— Какие? — опешил торговец.

— Какие-какие? Глиняные. Все — битые и небитые.

Торговец назвал цену. Пармен отсчитал деньги, погрузил посуду и повез

домой. Вошел в хату:

— Марья, ты просила горшок купить?

— Просила.

— Иди выбирай.

Вышла, увидела гору на санях и ахнула:

— Совсем, дурак, ошалел.

— Не нравится? — спокойно поинтересовался Пармен.

Повернул сани к обрыву и все горшки покидал вниз — и битые, и небитые.

На Троицын день загулял Пармен на Кнубре. И песни пел, и плясал. Под конец праздника совсем отяжелел, притомился.

— Отвезите меня, — попросил мужиков. — Я заплачу.

— С нашим удовольствием, — ответили хозяева.

Запрягли лучшую лошадь в телегу:

— Садись, Пармен!

— В телеге меня и дурак отвезет, — отмахнулся Пармен. — В санях бы!

Делать нечего. Запрягли в сани тройку и повезли. Лошади сильные. Как дернули — только пыль взвилась. Увидел на дороге пыль звонарь Альшанской церкви — в колокол ударил. Думал: архиерей едет. Влетело ему потом за недогляд. И Пармену влетело. Священник заставил его целую неделю отмаливать грех: по сорок поклонов в день. Все исполнил Пармен. Зато гордился, что в санях летом прокатился. Тем и запомнился людям на сто лет, а может, и больше.

Память причудлива и капризна. Она записывает на своих страницах самые удивительные случаи, подчас самые забавные.

Например, Миколаша, фоминский мужик, запомнился своим аппетитом и храпом. Собирался он в поле, а жена пекла хлеб. Прежде чем жарко натопленную печь наполнить ковригами, она понапекла толстых лепешек - растрепок.

— Поешь, Миколай, — предложила мужу.

Тот съел одну, другую, третью. Так и уговорил девять штук. После этого прилег отдохнуть.

— Отчего же в поле не едешь? — спросила жена.

— Что же без завтрака поеду? — сердито ответил муж.

Съел еще и завтрак.

Тогда и поехал.

Вся деревня наша знала, как Миколаша храпит. Говорили: если в ночном сторожа разбредутся, то Миколашу найти легче легкого — надо только ухо приложить к земле. Откуда гул идет, туда и ступай.

Жил он долго, умирал трудно. Лежал неподвижно и вздыхал. Дочь Настя терпеливо ухаживала за отцом до последнего дня.

Если правда, что в мире ничто не исчезает, то где нибудь в глубине Вселенной блуждает храп фоминского мужика, который умел работать, умел и плотно поесть. Когда же уставал он, то засыпал на траве, не требуя удобств, как наш древний князь Святослав, и впадал в громкозвучное забытье...

Однако заговорился я с вами, ребята.

Пора и честь знать.

До новой встречи, друзья!